

Что не стоит делать невидимке

Автор:

[Росс Уэлфорд](#)

Что не стоит делать невидимке

Росс Уэлфорд

Бестселлеры мировой фантастики для детей

Этель Ледерхед двенадцать, и у нее, как и у многих в этом возрасте, на лице прыщи и почти нет друзей, кроме Бойди, самого непопулярного мальчика в классе. Кажется, что в ее жизни ыче идет наперекосяк, но на самом деле все становится еще хуже, когда она получает в подарок настоящий солярий. Потому что однажды, позагорав в нем, Этель вдруг становится невидимой!

И только на первый взгляд кажется, что это круто, а на самом деле нет. На самом деле вначале страшно, а потом и вовсе опасно. Но главное – знать, чего точно не стоит делать, когда ты становишься невидимым!

Невероятное приключение, полное загадок и исчезновений, в исполнении настоящей звезды детской фантастики Росса Уэлфорда!

Для среднего школьного возраста.

Росс Уэлфорд

Что не стоит делать невидимке

Копирование, тиражирование и распространение материалов,

содержащихся в книге, допускается только с письменного разрешения правообладателей.

First published in English in Great Britain by HarperCollins Children's Books, a division of HarperCollins Publishers Ltd. under the title:

WHAT NOT TO DO IF YOU TURN INVISIBLE

Text copyright © Ross Welford 2016

Translation © 2021

Translated under licence from HarperCollinsPublishers Ltd

The author asserts the moral right to be identified as the author of this work.

© Зиганшина Е., перевод, 2021

© Кривоги́на А., иллюстрации, 2021

© ООО «Издательство «АСТ», 2021

Алиса Лебедева, 12 лет

начинающий писатель

Книга отличная, очень увлекательно! Как начала читать, так и не смогла оторваться. Автор пишет просто превосходно: жизненно, остроумно, с юмором.

Что самое главное, произведение совсем не шаблонное, можно перечитывать по многу раз. Чем дальше – тем интереснее!

Советую вам как прекрасный подарок своему подростку – тот не останется равнодушным!

Александр Шевченко, 12 лет

читает до 10 книг в месяц

Захватывающая книга, в которой рассказывается о девочке-подростке с акне. Поэтому она хочет найти лекарство. И находит нестандартное средство, которое делает ее невидимой. Но невидимость может сыграть плохую роль и создать еще больше проблем. Этель приходится разбираться, я ей не завидую.

А еще мне очень понравилось планирование и решение одной из проблем, не скажу, какой, а то будет спойлер. Советую тем, кто любит фантастику и интересные аллегории.

Ксения Шевченко, 10 лет

активный читатель

Книга рассказывает о девочке, у которой очень много прыщей, и ее все достают. Поэтому она ищет кремы, лекарства, пользуется советами бабушки, чтобы избавиться от акне. И наконец ей попадается средство, которое делает ее невидимой. Этель встречаются проблемы, и она решает их с помощью невидимости, но сразу создает себе новые.

И мне это в книге очень нравится! Одну проблему решаешь, тут же берешься за новую.

Я посоветую эту книгу тем, кто любит истории о подростках и приключениях с фантастикой.

Анна Устинкова, 12 лет

мечтает стать писателем,

учится в музыкальной школе

Книга начинается с того, что главная героиня, девочка Этель, заснувшая в солярии, вылезает из него полностью невидимой. Большое количество страниц после этого эпизода посвящено описанию того, почему это произошло, что этому предшествовало, а также тому, что же теперь делать.

А дальше начинаются приключения. Потому что можно превратиться в невидимку и обратно. А будучи невидимой, помочь другу или наказать врагов. Страшно остаться невидимой навсегда, но еще страшнее лишиться поддержки близких. Хорошо, что все хорошо заканчивается.

И, кстати, из прыщавых и толстых подростков иногда получаются неплохие друзья.

В этой книге мне понравились герои, которые не боятся быть собой в любых ситуациях.

Понравилась атмосфера Англии со строгими правилами и распорядками, интересные факты о маяках. А самым необычным в этой книге стала глава, которая состоит всего из трех слов.

Глеб Моисеев, 14 лет

начинающий писатель, актер (@GLEB_WRITER)

В книгах Росса Уэлфорда сбываются многие мечты. Виртуальная реальность (с полным погружением человека в нее), путешествия во времени. В этой книге Уэлфорд фантазирует на тему еще одной уникальной мечты человечества. Наверно, каждому подростку близка завязка этой истории.

Книга повествует нам о девочке-подростке. У нее есть множество комплексов из-за ее прыщей. Кто в подростковом возрасте не страдал, глядя на себя в зеркало, – снимите белое пальто и не врите сами себе. Вот и героиня Уэлфорда, пытаюсь найти способ избавиться от прыщей, приобретает невероятную способность. Благодаря этой способности она меняется сама и меняет мир вокруг. И уже не так важно становится, как девочка выглядит.

Читая книгу, мы убеждаемся, что наше тело – это всего лишь оболочка, и истинная сущность человека скрыта в его душе. И для настоящих друзей ты красив всегда.

* * *

Маме с любовью

Часть первая

До того как уснуть, я могла себя видеть. Я была видима и знала, кто я такая.

Это было до.

Не уверена, что именно меня будит: яркость ультрафиолетовых трубок солярия или грохот, с которым Леди гоняет свою миску у двери между прихожей и гаражом.

Фиолетового оттенка лампы такие яркие, что, даже когда я зажмуриваюсь, они всё равно слепят мне глаза.

Я что, уснула?

Почему таймер не сработал?

Сколько я здесь пролежала?

Впрочем, все эти вопросы отодвигает на второй план главное: мне ужасно хочется пить. Язык даже не прилипает к нёбу, а просто скребёт по рту. Я вырабатываю немного слюны, чтобы хоть чуть-чуть избавиться от сухости.

Я поднимаю крышку солярия и перекидываю ноги через край. На том месте, где я лежала, виднеется лужица пота – испарины, как сказала бы ба. Меня по-прежнему слепят лампы, и я усиленно моргаю, но – вот странность – кажется, что при моргании мир не делается тёмным, хотя за глазами плавают какие-то пятна и вспышки.

Одной рукой я нашариваю выключатель на боку солярия, и лампы гаснут.

Становится получше, но только чуть-чуть. Я всё ещё чувствую себя ужасно. Голова раскалывается, и некоторое время я просто сижу.

Нужно было сперва проверить таймер. Я наблюдаю, как цифры на старых электронных часах на стене гаража сменяются с 11:04 на 11:05.

О. Боже. Мой.

Я пролежала под этими лампами часа, типа, полтора. Здравствуй, солнечный ожог! Бледная кожа, рыжие волосы (ну, рыжеватые), прогрессирующее акне и мощный солнечный ожог: ну и сочетаньце.

Я гляжу вперёд, давая глазам привыкнуть к пыльному мраку гаража. Я вижу старую свёрнутую ковровую дорожку, мой детский велик, который мы почему-то до сих пор не выкинули, несколько картонных коробок с одеждой для церкви и капельки дождя, усеивающие единственное узкое окошко в двери, ведущей в

сад за домом.

С тех пор как я проснулась, прошло секунд двадцать, может, даже тридцать.

Потом звонит мой лежащий на полу телефон. Я смотрю на него – это Эллиот фигов Бойд – не подумайте, это не полное его имя. Я редко бываю в настроении с ним болтать, так что протягиваю руку, чтобы переключить на беззвучный режим – пусть на голосовую почту попадёт.

Этот момент я не забуду никогда.

Момент такой странный и пугающий, что его довольно трудно описать, но я очень постараюсь.

Видите ли, поначалу я не замечаю, что сделалась полностью невидимой.

А потом замечаю.

Глава 1

Действия, которые я совершаю: протягиваю руку, поднимаю пищавший телефон, нахожу кнопку беззвучного режима, нажимаю на неё и таращусь на экран, пока телефон вибрирует в моей ладони, а потом утихает... – всё это так совершенно нормально и обыденно, что я думаю: это просто мой мозг восполняет недостающие детали.

Недостающие детали вроде моей ладони и пальцев.

Наверное, это немножко смахивает на просмотр мультика. Все знают, что мультик – или вообще любой фильм, если уж на то пошло, – это просто последовательность кадров.

Когда смотришь их быстро, один за другим, мозг просто заполняет пробелы, чтобы картинка не была дёрганой.

Думаю, именно это и делают мои глаза и мозг в те две-три секунды, которые уходят на отключение телефона. Они просто «видят» мою ладонь, потому что ожидают её увидеть.

Но это не длится долго.

Я моргаю и смотрю на телефон на полу. Потом смотрю на руку. Я подношу ладонь к лицу и верчу ею.

Её нет.

Ладно, остановимся на минутку. Прямо сейчас поднесите ладонь к лицу. Я подожду.

Она на месте, так ведь? Ваша ладонь? Конечно, да.

Теперь поверните её и посмотрите на тыльную сторону. Несколько секунд назад я делала именно это, вот только моей ладони не было – и нет.

На этом этапе я не напугана, ничего такого. Скорее, сбита с толку.

Я думаю: «Это странно. Солярий что ли на мой мозг повлиял?» Может, я ещё не проснулась до конца, или вижу сон, или у меня галлюцинации, или что-то в этом духе?

Я опускаю взгляд на свои ноги. Их тоже нет, хотя я могу до них дотронуться. Я могу дотронуться до лица. Я могу дотронуться до каждой части своего тела и почувствовать их – просто не вижу.

Не знаю, сколько я так сижу, раз за разом оглядывая то место, где, по идее, должна находиться. Несколько секунд, наверное, но не больше минуты. Я прокручиваю в голове: бывало ли такое раньше? Это вообще нормально? Может, дело в моём зрении – вдруг меня временно ослепило сильное ультрафиолетовое излучение? Вот только всё остальное я видеть могу – всё, кроме себя самой.

Вот теперь мне становится страшно, а моё дыхание слегка учащается. Я встаю и иду к раковине в углу гаража – там висит зеркало.

И тут я кричу. Негромко – скорее, даже ахаю.

Представьте, если сможете, что стоите перед зеркалом и ничего не видите. Ваше собственное лицо не глядит на вас в ответ. Всё, что отражается в зеркале, лишь комната позади вас. Или, в моём случае, гараж.

Ахнув, я понимаю, что происходит. Я трясую головой, улыбаюсь и даже тихонько хихикаю. Я говорю себе: «Ладно, ты явно видишь сон». Да ещё и яркий такой, ого! Всё кажется очень реалистичным. Знаете, бывают такие сны, про которые вы точно понимаете, что это сны, даже когда собственно видите их. Ну так это не тот случай! Это самый реалистичный сон из всех, что я видела, и я начинаю думать, что это весьма весело. Тем не менее я пробегаюсь по проверочному списку «Сплю ли я?»: моргаю, щипаю себя, говорю себе: «Проснись, Этель, это просто сон».

Вот только, пройдясь по списку, я по-прежнему стою в гараже. До чего упрямый сон! Так что я делаю то же самое снова и снова.

Нет, это не сон.

Определённо не сон. Тут я перестаю улыбаться.

Я крепко закрываю глаза – и ничего не происходит. То есть я чувствую, что мои веки сжимаются, но я по-прежнему всё вижу. Я вижу гараж, хоть и знаю, что глаза у меня закрыты – зажмурены изо всех сил вообще-то.

Я накрываю глаза ладонями – и так же прекрасно всё вижу.

Живот сводит от испуга, страха и ужаса – сочетание очень жуткое. Неожиданно меня рвёт в раковину, но я не вижу рвоты – только слышу её плеск и чувствую горячую горечь во рту. Потом, через секунду-другую, она материализуется на моих глазах: полупереваренные кукурузные хлопья, которыми я позавтракала.

Я включаю кран, чтобы смыть это. Сую ладонь под струю воды – та принимает форму ладони. Я подношу пригоршню воды к пересохшему рту и поражённо тарашусь, как передо мной поднимается водный пузырь. Я глотаю его и снова смотрю в зеркало: мои губы на секунду становятся почти видимыми в том месте,

где их коснулась вода, и я различаю жидкость, когда она опускается по моему горлу, а потом всё исчезает.

Меня охватывает такой сильный ужас, которого я никогда не испытывала.

Стоя перед зеркалом, вцепляясь в края раковины невидимыми руками, пока мой мозг едва не взрывается в попытке обработать эту... странность, я делаю то, что сделал бы любой.

Что сделали бы вы.

Я зову на помощь.

– Ба! БА! БА!

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Я собираюсь рассказать вам, как стала невидимой, а попутно узнала целую кучу всякого-разного.

Но для этого вам потребуется немного, как называет это мой учитель мистер Паркер, «предыстории». Того, что привело к моей невидимости.

Потерпите пару глав. Я буду кратка, а потом мы вернёмся в гараж ко мне, невидимой.

Однако самое первое, что мне стоит сделать, прежде чем продолжить, – это предупредить вас: я не «бунтарка».

Я говорю это только на тот случай, если вы надеетесь, что я одна из тех безбашенных детей, которые вечно попадают в неприятности и «дерзят» взрослым.

Конечно, если не считать невидимость попаданием в неприятности.

А насчёт того раза, когда я выругалась на миссис Аберкромби: это вышло случайно, я уже тысячу раз говорила. Я хотела назвать её «гадюкой» – что, признаю, само по себе грубо, но не так грубо, как рифмующееся с этим слово, которое у меня нечаянно вырвалось. За это мне ЗДОРОВО попало от ба. А миссис Аберкромби до сих пор считает, что я очень грубая девчонка, хоть это и было больше трёх лет назад, и к тому же я написала ей письмо с извинениями на лучшей почтовой бумаге ба.

(Я знаю, что она до сих пор злится, потому что её пёс Джеффри вечно на меня рычит. Джеффри на всех рычит, но миссис Аберкромби всегда говорит: «Прекрати, Джеффри» – кроме тех случаев, когда он рычит на меня.)

В общем, обычно я просто спокойно сижу на задней парте в школе сама по себе, занимаясь своими делами, – ла-ла-ла, не-трогайте-меня-и-я-не-трону-вас и так далее.

Но, знаете, это присловье, которое используют взрослые, чтобы казаться умными: «Ах, что поделать – в тихом омуте, а?»

Это я. «Тихий омут». Настолько тихий, что практически невидимый.

Что, если подумать, весьма забавно.

Глава 2

Насколько далеко назад вы желаете отправиться?

Как по мне, началось всё с истории с пиццей. Именно она так расстроила меня, что я вроде как немножко рехнулась, а потом рехнулась ещё сильнее.

Вот как всё было.

Джарроу Найт – кто же ещё? – заорала: «Доставка пиццы!», когда я вошла в класс, и практически все засмеялись. Не заржали, но захихикали точно.

Большинство моих одноклассников не жестокие на самом деле.

Поначалу до меня не дошло. Я понятия не имела, при чём тут я. Я вообще решила, будто это какая-то шутка, начала которой я не услышала, так что улыбнулась и тоже слегка посмеялась, как люди делают, когда не хотят оставаться в стороне.

Оглядываясь назад, я понимаю, что это должно было выглядеть весьма странно.

Потом, пару дней спустя, Джарроу, её брат и несколько других ребят проходили мимо меня, когда я болтала с девочками у химической лаборатории, и Джарроу сказала довольно громко: «Ты заказывал ?Американ Хот?, Джез?» и дала ему пять, а Кирстен и Кэти уставились на свои ноги.

Вы понимаете? До сих пор больно вспоминать. (Тут будет много боли и воспоминаний, так что привыкайте.)

«Доставка пиццы» – это про моё лицо.

«Пиццелица» – это я и моё акне. Все эти пятна, угри, фурункулы – весь прыщевой набор. Представляете, ага?

Предполагается, что моё лицо напоминает поверхность пиццы. Обхохочешься. На самом деле не напоминает. Всё не так плохо.

Акне у двенадцатилетней? Знаю, вроде как рановато. Даже доктор Кемп сказал, что я «на раннем конце спектра», но это ничего страшного. Нет, «страшное» мы прибережём для самого акне, которое «ближе к более тяжёлому концу спектра». Это вежливый семейно-докторский способ сказать: «Господь, ну тебя и обсыпало».

Не буду грузить вас подробностями. Вдруг вы едите во время чтения, а подробности не самые приятные.

Так вот это было примерно три месяца назад. Прозвище «пиццелица» заставило меня осознать несколько вещей:

1. Моя политика не высываться в школе перестала иметь успех. Прыщавую Девчонку знают все. До сих пор большая часть подколов была направлена в адрес Эллиота Бойда, что меня вполне устраивало. Вот только теперь я тоже стала мишенью.

2. Я серьёзно подозреваю, что некоторые люди считают, будто акне можно подцепить. В смысле, я не сижу целыми днями одна, как сыч, пока окружающие надо мной издеваются. Просто на то, чтобы завести хвалёных «лучших друзей», требуется больше времени, чем я ожидала, и я всё думаю: «Не из-за акне ли?» Ба говорит: «Просто будь собой», и это вроде неплохой совет. Наверное, это даже хороший совет, если вы имеете достаточное представление о том, кто вы есть, – а я имею. Или по крайней мере имела, пока всё не пошло наперекосяк. Ещё ба говорит: «Если хочешь хорошего друга, будь хорошим другом сама». Она много чего говорит в этом духе. Мне иногда кажется, она коллекционирует такие высказывания. Но тут проблема в том, что я испытываю явную нехватку людей, которым могла бы быть другом.

3. Джарроу Найт – настоящий кошмар. Не то чтобы это великое откровение, но они на пару с её братом-близнецом здорово отравляют мне жизнь.

4. Я должна, должна, должна сделать со своей кожей что-нибудь.

Моё акне началось примерно год назад с одного-единственного крошечного прыщика на лбу. Мне нравится думать, что этот прыщик был послан Армией Акне в качестве разведчика. Он отрапортовал об увиденном в Прыщевой Штаб, и в течение пары недель на моём лице разбили лагерь целые полки угрей и чёрных точек, и, что бы я ни делала, сдаваться они не желали.

А потом Армия Акне начала захватывать другие части моего тела. На шее расположился небольшой взвод фурункулов – больших, блестящих и болезненных. Грудь занял отряд мелких чёрных точек, иногда превращавшихся в белые с гноем внутри, а через два месяца экспедиционные войска аннексировали уже мои ноги. Но хуже всего то, что ба не воспринимает мою беду всерьёз, и это сводит меня с ума.

«Прыщики, милая? Бедняжка. У меня тоже были прыщики, как и у твоей мамы. Это просто такой период. Перерастёшь».

Ещё до эпопеи с пиццей в школе стало гораздо унылей, чем было в начальной. Это было просто совпадение, но как раз тогда, когда всё начало происходить, Флора Макстей – которая была, пожалуй, моей лучшей подругой – переехала в Сингапур, а Кирстен Олен перевели в другой класс, и она начала тусоваться с близнецами Найт.

О которых чуть позже.

Суть в том, что мне нужен был план, как избавиться от акне, – так в моей жизни и появились солярий и китайское лекарство.

И нет, становиться невидимкой я не планировала. Это определённо было бы «на крайнем конце спектра».

Как не планировала и – на тот случай, если это надо проговаривать, – сближение больше, чем строго необходимо, с Эллиотом Бойдом.

Глава 3

Итак, это всё ещё предыстория, а вы всё ещё здесь – хорошо.

Эллиот Бойд, а? Также известный как Эллиот «Запашок» Бойд – кто-то однажды назвал его так, и прозвище прицепилось к нему прямо как, видимо, его запах.

Парень, который никому не нравится.

Это из-за его роста? Веса? Волос? Произношения?

Или, собственно, из-за запаха?

Дело может быть в чём угодно или во всём сразу. Он крупный такой мальчик, медведеподобный, ростом догнал уже пару учителей, у него большой живот и подбородок с пушком светлых волос, которые, наверное, по его мнению, скрывают тот факт, что под ними имеется ещё один подбородок.

Что до его запаха, честно говоря, вроде бы пахнет он не настолько плохо, хотя я стараюсь не проверять на личном опыте расхожее мнение, что он незнаком с мылом и дезодорантом, и просто избегаю его.

Думаю, людей бесит его характер. Чрезмерно уверенный, напористый, наглый, громкий и – моё любимое – «чванливый». Это словечко мистера Паркера, а он здорово обращается со словами.

Хотя знаете что? Думаю, всё дело просто в том, что он из Лондона. Серьёзно. Его невзлюбили с самого первого дня, потому что он начал поливать грязью Ньюкасл Юнайтед (сам он болельщик Арсенала, или так он утверждает). Тут у нас, только если у вас нет очень весомого оправдания, все болеют за Ньюкасл. Ну, может, за Сандерленд или Мидлсбро. Но точно не за лондонский футбольный клуб, даже если, как выясняется, вы родом из Лондона.

Бойда перевели к нам в первый день восьмого класса. Никто не знал его, так что можно было подумать, что он некоторое время будет сидеть тише воды, но нет. Я думаю, он счёл это смешным, то, что он сделал в первый день, знаете, смело и немного нагло, но вышло всё не так.

Мистер Паркер – не только учитель физики, но и наш классный руководитель: он делает переключку и всякое такое. Он хлопнул в ладоши и прочистил горло.

– И снова добро пожаловать, счастливики, в лучшую обитель знаний на северо-востоке. Полагаю, каникулы у вас удалась на славу? Превосходно.

Он часто так разговаривает, мистер Паркер. Раньше он был актёром и носит шейный платок, который – поразительно – весьма круто на нём смотрится.

– У нас в классе прибавление! Из самого солнечного Лондона... Большое спасибо, мистер Найт, улюлюканье оставим невежам... Давайте поаплодируем мистеру Эллиоту Бойду!

Обычно в этот момент весь класс – раньше уже проходивший через эту процедуру пару раз – аплодирует по сигналу мистера Паркера, а новенький весь такой стесняется, выдавливает улыбку и краснеет – и дело с концом. Однако Эллиот Бойд немедленно встал, поднял обе руки в торжествующем жесте и

громко проскандировал:

– Ар-се-нал! Ар-се-нал! – отчего аплодисменты немедленно заглохли. Что ещё хуже, он добавил со своим отборным лондонским акцентом: – Чо? Никогда не слышали про путную фуфбольную команду?

«Ого, – подумала я тогда, – да это верный способ немедленно стать непопулярным, Эллиот Бойд!»

С того момента по меньшей мере полкласса решили, что ненавидят его.

И всё же, казалось, это ничуть его не смутило и не сбilo с него нахальства. Эллиот Бойд напоминал одну из таких крупных лохматых собак, которые подсакивают в парке к собакам поменьше и доводят их до истерики.

Что ещё хуже, потом он начал ошиваться после уроков возле моего шкафчика, словно тот факт, что домой нам отчасти по пути, должен был автоматически сделать нас друзьями.

Ага. Как же.

И я бы продолжала игнорировать его, да только он вот-вот должен был стать участником событий и того, что я сделалась невидимой.

ЧТО Я ПЕРЕПРОБОВАЛА ПРОТИВ АКНЕ

1. Старое доброе мыло с водой. Это был первый же совет ба. «Мне помогло», – сказала она. И мне пришлось одёрнуть себя, чтобы не ляпнуть: «Ну да, а было это ещё в Средневековье, в двадцатом веке». Кроме того, лечение «старым добрым мылом с водой» исходит из представления, будто прыщи у людей вылезают оттого, что они не умываются, а это неправда.

2. Очищающие средства и салфетки. От них мои прыщи просто сияют как фонари наочень чистомлице. Иногда мне кажется, что от них всё делается только хуже.

3. Урезание жиров. Это был ужасный месяц. Эта теория основывается на том факте, что моя кожа иногда довольно жирная (и это я ещё нехило так преуменьшаю). Так что если не есть ни масло, ни сыр, ни молоко, ни жареное, ни заправки для салатов, ни, как оказалось, вообще всё вкусное, то моё лицо не будет сальным. Не сработало. Ещё и голодной ходила.

4. Чеснок и мёд. Каждое утро мелко нарежьте три зубчика чеснока и смешивайте с большой ложкой жидкого мёда. Противно. И неэффективно.

5. Крем от прыщей. Тут мне приходилось втирать в лицо на ночь крем. Странно, но крем этот был весьма жирный – можно было бы подумать, что от него станет только хуже, но, однако, не стало. Лучше, впрочем, тоже.

6. Старый добрый свежий воздух. Ещё один совет от ба. Идёт в комплекте со старым добрым мылом с водой. Выиграла от этого только Леди, которой целый месяц перепали дополнительные прогулки, пока я не заметила, что на лице это никак не отражается. Прости, Леди.

7. Гомеопатия. В местной аптеке продаётся примерно пять гомеопатических средств, якобы избавляющих от акне. Мне не помогло ни одно.

8. Крапивный чай. Звучит плохо, на вкус примерно так же. И даже хуже.

9. Витамин B5. Весь интернет нахваливает это «чудодейственное средство». Следующий.

10. Антибиотики. Это то, что доктор Кемп наконец прописал во время второго моего визита, после того как я продемонстрировала ему вышеприведённый список. Одна таблетка септрина в день – и результат налицо... ничего не изменилось.

11. Самое последнее средство: «Доктор Чанг Его Кожа Такой Чистый». Купила в интернете. Ба сказала, что оно выглядит сомнительно, и отказалась покупать его мне, так что пришлось прибегнуть к уловке. Доктор Чанг, как и Эллиот Бойд, играет большую роль в том, как я начала делаться невидимой.

Глава 4

Ба говорит, что у мамы в моём возрасте тоже было акне, но она это переросла и сделалась «такой прелестной юной леди».

Это правда. На фотографии в моей комнате у неё коротковатые светло-рыжие волосы и огромные, слегка печальные глаза. Из-за них я иногда думаю, что она знала, что умрёт молодой, но потом смотрю на другие фото, где она смеётся, и думаю, что вовсе она не была печальной. Просто – не знаю – слегка... помешанной?

На тот случай, если вам интересно, грустно ли мне – я едва её помню. Она умерла, когда мне было три. Рак.

Мой папа к тому времени уже бросил нас. Ушёл, исчез. «И скатертью дорожка», – постановила ба. Ей почти невыносимо произносить его имя (Ричард, хотя, как по мне, выглядит он скорее как Рик), и единственное его фото, которое у меня есть, – это зернистый снимок, сделанный вскоре после моего рождения: мама держит меня на руках, а папа стоит с ней рядом, улыбаясь. Он худой и бородатый, волосы у него длиннее маминых, а глаза прячутся за тёмными очками, будто он какая-то рок-звезда.

«В больницу заявился поддатый, – сказала ба во время одного из наших (очень) редких разговоров об этом. – Это было его обычное состояние».

Мама с папой не были женаты, когда я родилась, но поженились позднее. Мне дали мамину фамилию, Ледерхед – у ба такая же. Вот что написано в моём свидетельстве о рождении:

Дата рождения: 29 июля

Место рождения: госпиталь Святой Марии, Лондон

Мать: Лиза Энн Ледерхед

Род занятий: учитель

Отец: Ричард Майкл Малкольм

Род занятий: студент

И так далее.

Расскажу вам краткую версию. В любом случае, это практически всё, что я знаю. Ба не склонна об этом распространяться, потому что, как мне кажется, это слишком уж её расстраивает.

Когда ба была маленькой, она переехала в Лондон и выросла там. Они с дедом разошлись где-то в 1980-х. Теперь он живёт в Шотландии со своей второй женой (Мораг? Не помню). Маме было двадцать три, когда у неё родилась я. Ба говорит, они с папой не планировали заводить семью – просто так вышло.

Папа исчез, когда я была маленькой. Это было не такое исчезновение, при котором вызывают полицию и так далее. Не было никакой загадки. Он просто «скрылся с места происшествия» и, если верить ба, обитает сейчас где-то в Австралии.

Последний раз мы разговаривали о нём несколько недель назад.

Мы всегда пьём чай, я и ба, когда я возвращаюсь из школы, с тех самых пор, как мне исполнилось семь. Знаю: большинство семилеток пьют молоко или сок, но только не я. Чай и тортик или печенье. И никаких там кружек: приличный чайник, с фарфоровыми чашками и блюдцами, плюс сахарница, хоть ни одна из нас не кладёт в чай сахар. Просто для красоты. Поначалу чай мне не особо нравился. Очень уж он был горячий. А теперь ничего, люблю.

В школе, на уроке воспитания личности у мистера Паркера, мы говорили о профессиях. Я, как обычно, тихонько сидела на задней парте, когда разговор зашёл о том, чьи родители чем занимаются и как люди иногда идут по родительским стопам. А всё, что я знала про своего папу, – это то, что он был «студентом», если верить моему свидетельству о рождении.

Я пару дней вынашивала план, как бы поднять эту тему. Ба наливала чай, и я спросила её, почему папа исчез – как вступление к вопросу, что он изучал.

Вместо того чтобы ответить прямо, она сказала:

– Твой отец вёл очень дикую жизнь, Этель.

Я кивнула, не особенно понимая.

– Он сильно пил. Слишком много рисковал. Полагаю, ему хотелось жить без ответственности.

– П... почему?

– Я правда не знаю, милая. Думаю, это всё от слабости духа. Он был слабый и безответственный человек. Некоторые мужчины не в состоянии выполнять отцовские обязанности, – сказала ба. Её очки сползли вниз по носу, и она посмотрела на меня поверх них. – Думаю, твой отец был одним из таких.

Это было самое доброе, что она когда-либо о нём говорила. Не бывало почти ни разу, чтобы она упомянула его, не произнеся слов «пьяный» и «по-детски». Она всегда напрягает плечи, поджимает губы, и по всему её виду становится ясно, что она предпочла бы говорить о чём угодно, кроме моего папы.

Мы так и не добрались до вопроса, что же он изучал, потому что ба сменила тему, рассказав мне, как отчитала этим утром какого-то юношу, сложившего ноги на сиденье в метро.

В общем, сейчас мы живём вдвоём, я и ба, там, где ба родилась, на ветреном северо-восточном побережье в городке под названием Уитли-Бэй. Правда, по мнению ба, живём мы не в Уитли-Бэй, а вовсе даже в Монкситоне – чуть более элитном районе, который, как сказала бы большинство людей, начинается по меньшей мере в трёх или четырёх улицах западнее. Я всё равно считаю, что живу в Уитли-Бэй. Так что мы счастливо проживаем в одном доме, но, видимо, в разных районах.

Я говорю – вдвоём, я и ба. На самом деле есть ещё прабабуля – мама ба. Но она не то чтобы здесь. Ей почти сто, и она «живёт в своём мире», как говорит ба – но не в плохом смысле. Год назад у неё был удар – это когда из мозга течёт кровь; потом были «осложнения», и она так толком и не поправилась.

Прабабуля живёт в пансионате в Тайнмуте, в паре миль от нас. Она не очень разговорчивая. В последний раз, когда я её навещала, мои прыщи цвели буйным цветом, и она вытащила из-под шали свою крохотную лапку и погладила меня по лицу. Потом она открыла рот, чтобы что-то сказать, но не произнесла ни звука.

Иногда мне интересно, что было бы, если бы она всё-таки сказала что-то. Изменило ли бы это то, что случилось дальше?

Глава 5

Он увязался со мной. Опять. Уже третий раз за эту неделю.

Это было за пару дней до того, как я стала невидимой, так что мы уже почти добрались до событий в гараже.

– Как делишки, Эффи? – сказал он. – Домой чапаешь? Я ф тобой пойду, э?

Как будто он оставил мне выбор, появившись прямо в тот момент, когда я закрывала шкафчик – в засаде сидел, что ли.

(Я посмотрела, что значит «чванливый», кстати. Это значит «высокого о себе мнения» и очень точно описывает Эллиота Бойда. Меня в нём и много других вещей раздражают. «Эффель» – одна из них, или, как он говорит, «Эффи». Я знаю, что это просто акцент такой, но, раз уж я обречена носить имя столетней давности, было бы неплохо, чтобы его хотя бы правильно произносили.)

Так что мы пошли домой, и Эллиот Бойд практически без умолку болтал о своей любимой на данный момент теме: Уитли-Бэйском маяке. Ну, по крайней мере, он больше не пытался показывать мне карточные фокусы, на которых был повёрнут в прошлом месяце.

Маяк стоит в конце пляжа. Он ничего особо не делает, только красуется на открытках. Он не светится, ничего подобного, и этот факт здорово бесит Эллиота Бойда. (И, насколько я знаю, его одного.)

Я узнала, хотя вообще-то не хотела знать:

1. Этот маяк был построен в тысяча восемьсот каком-то там году, но маяки тут были практически всегда.
2. Когда-то это был самый яркий маяк в Британии. Наверное, это вроде как интересный факт.
3. Можно подняться на его верхушку, если войти через заднюю дверь, которую никогда не закрывают.

В его энтузиазме есть что-то трогательное. Наверное, дело в том, что он не местный. Для всех остальных это просто неиспользуемый маяк в конце пляжа, понимаете? Стоит там, ну и бог с ним.

Для Эллиота Бойда же это способ понравиться людям. У меня есть подозрение, что он просто притворяется, будто ему всё равно, что думают окружающие, но втайне ему очень даже не всё равно, и он надеется, что, если станет интересоваться чем-то местным, это ему поможет.

Возможно, я ошибаюсь, конечно.

Возможно, он:

а) Просто нудный нёрд. Или

б) пытается что-то скрыть за своей бесконечной болтовнёй. Я заметила, что он никогда не говорит о себе или своих родителях: всегда о чём-то. А может, я ошибаюсь. Просто чувство такое. Скоро я это проверю: спрошу что-нибудь про его семью и посмотрю, как он среагирует.

В общем, я вроде как отключилась и просто дала ему бубнить, потому что справа показалось местечко, на которое я уже пару недель как поглядывала.

Уитли-Роуд – длинная улица с полупустыми кофейнями, благотворительными магазинами, маникюрными салонами («весьма пошлыми», по мнению ба) и – по соседству друг с другом – двумя студиями загара, «Ньюкаслская Бронза» и «Студия загара Уитли-Бэй» – последняя выигрывает приз за самое прозаичное название заведения на этой улице.

Мой взгляд притягивала витрина «Ньюкаслской Бронзы». Там виднелась огромная вывеска: «РАСПРОДАЖА ПЕРЕД ЗАКРЫТИЕМ», и, если бы студии загара могли улыбаться, на лице её соседки-конкурентки определённо сияла бы огромная ухмылка.

Мне просто не хватало духу велеть Эллиоту Бойду заткнуться/свалить/отвязаться от меня со своим маяком и каким-то планом, который он там придумал, но мне очень хотелось, чтобы он наконец умолк.

Кому. Какая. Разница?

– Честно, Эффи, эт’ не будет фложно! Соберёмся все вместе, склепаем сайтик, всякое т’кое. Назовём всё «Зажигай свет» – знаешь, как в той пefне?

И он запел. Прямо на улице, и вовсе не себе под нос.

– Зажигай же свет, подари мне любовь в ответ! Та-та ля-ля-ля... любовь в ответ!

Люди стали оглядываться.

– Эт’ же дофтопримечательность, ага? Так пускай сияет на весь мир. Иначе какой смысл ему там торчать?..

Он всё болтал и болтал. Несколько дней назад в школе он сделал презентацию «Факты о маяке». Никто его особо не слушал. По общему мнению, он чокнулся.

Внутри «Ньюкаслской Бронзы» почти не горел свет, но за стойкой сидела, читая журнал, девушка.

– Мне надо сюда, – сказала я и повернула, чтобы войти. – Можешь меня не ждать.

– А, да норм, Эфф. Я просто обожду тут. Эт’... ну знаешь, девчачье место, э?

Я поняла, что он имеет в виду. Студии загара, как и маникюрные салоны и парикмахерские, не естественная для мальчишки-подростка среда обитания.

Что до меня – ба полагает, что уметь разговаривать с незнакомцами очень важно. Она никогда не говорила, что считает застенчивость «пошлой», потому что она не настолько сумасшедшая, но она определённо считает, что её «не стоит поощрять».

«Каждый в возрасте старше десяти лет, – сказала она мне на мой десятый день рождения, – должен уметь держать голову высоко и выражаться чётко: если ты так делаешь, значит, ты с окружающими на равных».

Так что я выпрямила спину и толкнула дверь, которая звякнула колокольчиком, заставив девушку за стойкой оторваться от своего журнала.

У неё были нарощенные волосы цвета экстра-блонд, и она жевала жвачку. Одета она была в бел(оват)ую тунику на пуговицах вроде тех, что носят стоматологи, цвет которой делал загорелое лицо девушки ещё темнее.

Я улыбнулась и приблизилась к стойке.

– Здравствуйте, – сказала я.

(Кстати, ба время от времени советует при первой встрече говорить: «Как поживаете?», но ей за шестьдесят, а мне нет.)

Судя по бейджику на тунике, звали девушку Линда. Линда кивнула в ответ и на секунду прекратила жевать.

- Вижу, вы распродаете оборудование, - продолжила я.

Она кивнула.

- Агась.

Последовала краткая беседа, во время которой мне удалось выяснить, что три вертикальных кабинки для загара распродаются, потому что «Ньюкаслская Бронза» вела «ценовую войну» со студией по соседству и проиграла. «Ньюкаслская Бронза» прогорела или что-то такое в этом духе.

Кабинки могли стать моими за «две штуки каждая». Две тысячи фунтов.

- Понятно, - сказала я. - Спасибо. - Я повернулась, чтобы уйти.

- Постой-ка, дружок, - окликнула меня Линда. - Ты это для себя?

- Эм-м... ну да.

- Это для...? - И она сделала такое круговое движение возле лица, означавшее: «Это для прыщей?»

Я кивнула, подумав: «Ну и наглость!»

Линда слегка улыбнулась, и лишь тогда я заметила, что её щёки под толстым слоем макияжа и загара испещрены ямочками, как кожура грейпфрута.

Шрамы от акне.

- Ах, дружок. Скверно у тебя дела, а? У меня в твоём возрасте такое же было. - Она сделала паузу, потом снова посмотрела на меня, наклонив голову, и добавила: - Хотя не... не настолько плохо, пожалуй.

Вот спасибо. Она поманила меня в заднюю часть магазина, а там стянула простыню с длинного белого солярия и подняла крышку.

Вам, наверное, доводилось видеть солярий? Вы ложитесь в него, закрываете за собой крышку и вроде как оказываетесь внутри огромного тостера для сэндвичей. Над вами и под вами загораются яркие ультрафиолетовые трубки – вот, в общем-то, и всё.

– Он древний и обтёрханный, – сказала Линда, потирая царапину на крышке. – Но ещё работает. Нам просто больше нельзя использовать его коммерчески. Новые правила. И продать его мы тоже не можем. Завтра его вышвырнут на помойку.

Короче говоря, она отдала мне его даром (офигеть, знаю!), и пять минут спустя мы с Эллиотом Бойдом тащили его по Уитли-Роуд, держа за концы.

На полпути к дому мы остановились передохнуть. Бойд запыхался гораздо сильнее моего.

– У меня вот никогда не было загара, – сказал он. – Ни разу не бывал за границей.

Если он намекал, что хотел бы прийти и воспользоваться солярием, то я намеревалась сделать вид, будто не поняла этого. Даже ему не хватит бестактности спросить прямо.

– Я прост’ думал, раз уж я помогаю тебе уволочь его домой, может, я смогу как-нибудь прийти и попользоваться им?

Хм-м. Очень тонкий намёк. Я обнаружила, что совершенно не в силах сказать нет. Это было бы вроде как грубо, а Бойд был так доволен, всё болтал и болтал – когда сможет прийти, каким загорелым станет – и я просто отключилась, молча волоча солярий по тротуару.

Пятнадцать потных минут спустя я расчистила в гараже местечко. Я поставила солярий прямо и прикрыла его простынёй, и он вроде как слился со старым шкафом, горой коробок и другим гаражным барахлом, предназначенным на церковный базар.

Ба и Леди дома не было. Да мы и не используем гараж для других целей, кроме как для складирования всякого хлама.

На самом деле, учитывая, что ба едва ли заходит сюда, я думала, что смогу вообще не рассказывать ей про солярий. Самое последнее, что мне было нужно, – это чтобы она запретила мне им пользоваться, либо потому что это «пошло» или небезопасно, либо потому что он израсходует слишком много электричества, либо... Не знаю. Ба иногда странная. Никогда не знаешь наверняка.

Бойд весь вспотел, а лицо у него покраснело.

– У тебя будет клёвый загар, – сказал он.

Он вроде как пытался поддерживать разговор, и с его стороны было мило помочь мне дотащить солярий до дома, так что я сказала:

– Ага. Эм... спасибо за, ну знаешь...

Повисла неловкая такая пауза, прежде чем я наконец выдавила:

– Так что-о-о, эм... Я, пожалуй, ну знаешь... эм...

И он сказал:

– Лады, эм... я... ну знаешь... эм... Увидимся.

И всё. И он ушёл.

К тому времени как ба вошла в дом, я давилась своей дневной дозой «Доктора Чанга Его Кожа Такой Чистый» (прошло уже три недели – никаких видимых улучшений).

– Привет, ба! – сказала я, когда она вошла на кухню.

Ба посмотрела меня с выражением, которое с лёгкостью могло сойти за подозрительность. Я что, с энтузиазмом переборщила?

Хотя, вероятно, я просто всё усложняла.

Позже я вспомнила круглое вспотевшее лицо Эллиота Бойда, и мне пришло в голову, что я была к нему очень близко, а от него не пахло.

Глава 6

На следующий день, в субботу, мне, естественно, до смерти хотелось испробовать солярий в деле, но я не могла, потому что наступил прабабулин сотый день рождения, и в пансионате ей устраивали небольшую вечеринку.

Я говорю «вечеринку», как будто там намечалось какое-то дикое веселье, но, конечно, это было не так, учитывая, что мы с ба практически единственные прабабулины родственники. Был торт, пара человек из церкви, другие жильцы и персонал «Прайори Вью», вот и всё.

Прабабуля жила в этом пансионате столько, сколько я себя помню. Мне рассказывали, что, когда ба только переехала на северо-восток, прабабуля ещё жила в большом старом доме в Калверкоте сама по себе: прадедушка умер много лет назад. А потом прабабуля упала на своей кухне. (Ба всегда говорит «с ней случилось падение», что, по-моему, странно. Вот со мной никогда не «случается падение». Если я падаю, то я «падаю».)

Дом продали и разделили на квартиры, а прабабуля переехала сюда. Вид из окон пансионата выходит на небольшой пляж и руины старого монастыря на вершине скалы.

Здесь очень тихо и очень тепло. Стоит войти в большую переднюю дверь, как холодный уличный морской бриз сменяется горячим и душным одеялом воздуха, который почему-то пахнет одновременно суперчисто и грязновато. Чистый запах – это дезинфицирующие средства, полироль для дерева и освежитель воздуха; погрязнее – это запах школьных обедов и всякого другого, что я не могу распознать, да и, скорее всего, не хочу.

Чтобы попасть в прабабулину комнату, нужно пройти по устланному толстым ковром коридору. Дверь была приоткрыта. Изнутри доносился бодрый ньюкаслский говор медсестры, громко беседующей с прабабулей.

– Вот так, Лиззи, дорогуша. Сейчас гости к тебе придут, именинница ты наша. Не хулиганить, ладненько? Я за тобой приглядываю!

Медсестра подмигнула нам, выходя из комнаты, и я в который раз почувствовала недоумение: почему они с ней так разговаривают?

Мне захотелось догнать медсестру и сказать: «Ей сто лет! Почему вы разговариваете с ней так, будто ей шесть?»

Но, конечно, я никогда этого не сделаю.

Прабабулю зовут миссис Элизабет С. Фриман. Ба говорила персоналу, что её никогда не называли Лиззи и что она предпочла бы обращение «миссис Фриман», но думаю, её сочли высокомерной.

Я знаю, что мне не должно не нравиться навещать прабабулю, но так уж выходит. Дело не в ней. Прабабуля милая и безобидная пожилая леди. Нет, что мне не нравится, так это я сама. Я ненавижу тот факт, что считаю визиты к ней обязанностью, что мне делается скучно, что я чувствую себя неуютно.

Что ещё хуже, так это то, что тот день должен был быть особенным. Сотня лет? Это же круто. Мне хотелось бы ощущать побольше энтузиазма.

Потом ба начала говорить. Это почти всегда монолог, потому что прабабуля отвечает очень редко, предпочитая глядеть в окошко и кивать, а иногда легонько полуулыбаться. Время от времени она даже засыпает. В огромном кресле с подушками под спиной прабабуля казалась крошечной, её маленькая голова с дымчатыми седыми волосами торчала из шерстяного одеяла.

– Ну, ма, как ты поживаешь? Ты ходила сегодня на прогулку? До чего ветреная сегодня погода, правда, Этель?

– Ага, аж с ног сдувает.

Обычно от меня не требуется много говорить, и я просто сижу на стуле у окна, глядя на волны и наблюдая по часам рядом с кроватью, как бегут минуты. Время от времени я вставляю какое-нибудь замечание, а иногда сажусь рядом с

прабабулей и держу её худенькую руку, что, как мне кажется, ей по душе, потому что она слабо пожимает мою ладонь в ответ.

В целом, примерно так всё прошло и в этот раз, вот только под конец произошло кое-что странное.

Проболтав несколько минут, ба сказала что-то насчёт того, чтобы подогреть сосиски в тесте, и ушла поговорить с работниками кухни.

Тогда-то прабабуля и повернулась ко мне, на некоторое время взгляд её слезящихся серых глаз словно сделался острым, и она внимательно разглядывала меня. Поначалу я решила, что она смотрит на мои прыщи, и заёрзала, готовая отодвинуться, но прабабуля стиснула мою руку чуть сильнее, так что я осталась на месте, а потом поняла, что она рассматривает не мою кожу. Нет, она смотрела прямо мне в глаза и поразила меня, выдав целое предложение.

– Сколько тебе, касаточка?

(Прабабуля всегда называет меня касаточкой. Это такое древнее ласковое обращение. Мне кажется, прабабуля единственная из живущих, кто его использует. Она никогда не зовёт меня Этель. Только касаточкой.)

Слова напоминали, скорее, очень слабый хрип – это было первое, что прабабуля сказала за всё утро.

– Мне почти тринадцать, прабабуля.

Она слегка кивнула. В комнату вернулась ба, но прабабуля её не заметила.

Прабабуля сказала:

– Тигрица.

Только это: «Тигрица».

А потом, с огромным усилием, добавила:

– Кшчка.

Я придвинулась к ней поближе и переспросила:

– Что-что?

Она повторила, чуть отчётливей:

– Тигрица. Кошечка.

Прабабуля указала на меня и слабо улыбнулась.

Я перевела взгляд на ба – лицо у неё побелело. То есть буквально – с него сбежали все краски. А потом, словно одёрнув себя, ба стала вся такая супергромкая и суперэнергичная:

– Ладно, вечеринка вот-вот начнётся. Давай-ка приведём тебя в порядок, хорошо, ма? Я им сказала, что мы не прямо сейчас хотим сосиски в тесте... – И так далее. Долгий деловитый монолог, который явно имел целью отвлечь меня от того, что только что сказала прабабуля.

Я ничего не поняла. Совершенно. Тигрица? Она сказала «кошечка»? Или что-то другое? Прабабуле, конечно, сто, и она не блещет здоровьем, но она вовсе не слабоумная.

Она повернула голову к ба. Её взгляд по-прежнему не потерял силы, и, всего на мгновение, она сделалась словно вполтину моложе своего возраста.

– Тринадцать, – повторила она. Происходило что-то такое, чего я никак не могла взять в толк, но я бы выбросила это из головы, если бы ба не стала вдруг оживлённой и деловой.

– Да, быстро она растёт, правда, ма? – сказала ба с немного натянутым смешком. – Как скоро всё происходит, а? Батюшки, только поглядите на время! Пора нам отправляться в общую комнату. Гости будут ждать.

ПРИЗНАНИЕ

В общем, есть ещё одна проблема касательно визитов к прабабуле, даже по радостным поводам, вроде дня рождения. При виде пожилых людей мне становится грустно.

Я думаю: вот я только начинаю расти, но для них это всё давно позади, и теперь они скорее уменьшаются. Для них и с ними всё закончилось, и они больше ничего особо не решают, прямо как маленькие дети.

В пансионате есть один старичок, совсем древний и глухой, и персоналу приходится вопить, чтобы он их услышал, да так громко, что и все остальные их тоже слышат, и это одновременно вроде как забавно и вроде как нет.

- И-И-И, СТЭНЛИ! ВИЖУ, СЕГОДНЯ УТРОМ У ТЕБЯ БЫЛ СТУЛ! - однажды проревела на весь пансионат одна из медсестёр. - ЭТО ХОРОШО! ТЫ ЭТОГО ЦЕЛЬНУЮ НЕДЕЛЮ ЖДАЛ, АГАСЬ?

Бедный старенький Стэнли. Он улыбнулся мне, когда я прошла мимо его комнаты; дверь у него всегда открыта. (На самом деле большинство дверей открыты, и невозможно удержаться и не заглянуть. Это всё немножко смахивает на чересчур душный зоопарк.) Улыбнувшись, он неожиданно сделался словно на семьдесят лет моложе, и от этого я тоже заулыбалась, но потом почувствовала себя печально и виновато: почему это я радуюсь, что он выглядит молодо?

Что плохого в старости?

Глава 7

Кто-то из персонала выкатил прабабулю на кресле из комнаты, ба поспешила следом, и я осталась одна, глядя на море.

Кое-чего не хватало. Кое-кого.

Моей мамы. Она должна была быть здесь. Четыре поколения женщин нашей семьи, и про одно из них – мою маму – забыли.

Многое ли вы помните из совсем раннего детства? Типа, до того, как вам исполнилось, скажем, года четыре?

Ба говорит, что почти ничего не помнит.

Я представляю это так: ваша память – это большой кувшин, который постепенно всё наполняется и наполняется. К тому времени, как вы достигаете возраста ба, память здорово переполняется, так что вам ничего не остаётся, кроме как начать избавляться от всяких воспоминаний, чтобы освободить место, а проще всего это сделать с самыми старыми.

Для меня, однако, воспоминания из раннего детства – это всё, что осталось мне от мамы. Плюс горстка разных памятных штук, которые хранятся в картонной коробке с крышкой.

Самое главное – это футболка. Это то, что я вижу первым делом, когда открываю коробку, потому что футболка – самый большой предмет. Простая чёрная футболка. Она принадлежала маме и до сих пор пахнет ею.

И когда я открываю коробку, которая большую часть времени стоит у меня в шкафу, я достаю эту футболку, прижимаю к носу и закрываю глаза. Я пытаюсь вспомнить маму и пытаюсь не грустить.

Запах, как и воспоминания, теперь совсем слабенький. Это смесь терпкого парфюма, стирального порошка и пота, но чистого пота – не сырной вони, которой, по мнению людей, несёт от Эллиота Бойда, но которую я сама никак не могу учуять. Это просто запах человека. Моего человека, моей мамы. Сильнее всего футболка пахнет в районе подмышек – звучит противно, но это не так. Однажды запах выветрится полностью. И это немного пугает меня.

Ещё тут лежит поздравительная открытка, адресованная мне, и стишок оттуда я знаю наизусть.

Дорогому человечку

От души желаю я

Много радости и счастья

В первый день рождения

А внизу аккуратным ровным почерком написано:

«Моей Бу, счастливого первого дня рождения от мамули, целую и обнимаю».

Бу – так меня ласково называла мама. Ба говорит, что не хочет использовать это прозвище, потому что оно принадлежит нам двоим – мне и маме, и это здорово. Словно у нас с ней есть секрет, что-то общее, только наше.

Чем ещё хороша открытка, так это тем, что на ней осталось немножечко запаха футболки, так что пахнет она не только бумагой, но и мамой.

Я думала об этом, сидя в прабабулиной комнате, когда мои мысли прервала ба.

– Ты идёшь, Этель, или так и будешь в облаках витать? И что за унылое лицо? Вечеринка же!

По следующей части я пробегусь быстренько, потому что было примерно так весело, как вы себе представляете... не считая кое-чего странного, случившегося под конец.

ПРАБАБУЛИНА ВЕЧЕРИНКА

Гости:

Человек двадцать. Все, не считая меня и медпомощницы по имени Честити, были совсем взрослые, а то и вовсе древние.

Что на мне было надето:

Сиреневое платье с цветочками и ободок в тон. Ба считала, что я выгляжу миленько. Это было не так. Девчонкам вроде меня просто должно быть позволено носить джинсы и футболки до тех пор, пока с них не сойдёт вся неуклюжесть-тощесть-прыщавость. На деле я выглядела, как мультяшная версия страшненькой девчонки в симпатичном платье.

Что я говорила:

Здравствуйте, спасибо, что пришли... Да, мне уже почти тринадцать... Нет, я ещё не решила, какие экзамены буду сдавать... Нет [фальшивая застенчивая улыбка], мальчика пока нет... (Можно тут я просто выскажусь: почему пожилые люди считают, будто могут выпрашивать про мальчиков и всякое такое? Это что, какое-то право, которое появляется, когда вам стучает семьдесят?)

Что я делала:

Разносила еду. До этого ба спрашивала меня, что стоит подать, но моё предложение – конфетки «Джелли Белли» и чипсы «Доритос» – оказалось проигнорировано. Вместо этого из угощений были оливки, кусочки бекона, обёрнутые вокруг чернослива (фу – кто вообще до этого додумался?), и крохотулечные сэндвичи с огурцом. Шансы, что я захочу сунуть что-то из этого себе в рот, стремились к нулю.

Что делала прабабуля:

Она сидела в центре комнаты, слегка рассеянно улыбаясь и кивая, когда люди подходили к ней с поздравлениями. Я думала, что она «не совсем здесь», не очень понимает, что происходит. Как выяснилось, тут я ошибалась.

Фотография:

Фотограф из «Уитли Ньюс Гардиан» снял меня, ба и прабабулю рядом с огромным тортом. Вместо большой камеры со вспышкой, которая делает «вух!», у него была крошечная цифровая камера. Я была чуточку разочарована: ну то есть, если вас собираются напечатать в местной газете, всё должно быть немножко драматично, это же особый момент, понимаете? (И вот ирония: так случится, что эта фотография повлечёт за собой весьма драматичные последствия.)

Глава 8

В общем, миссис Аберкромби тоже была на вечеринке вместе с Джеффри, своим трёхлапым йоркширским терьером с дурным характером, который по обыкновению на всех скалился и огрызался – и у меня есть новая теория на этот счёт. Думаю, он такой злюка потому, что хозяйка никогда не разрешает ему побегать. Она вечно прижимает его к себе одной рукой. Я бы тоже раздражалась, если бы меня всё время вдавливало в необъятную грудь миссис Аберкромби.

Ба выглядела хорошо. «Настоящее произведение искусства», – как сказал преподобный Генри Робинсон.

Она попивала газированную воду из бокала и мягко улыбалась всякий раз, когда с ней кто-нибудь заговаривал, а это максимальное проявление счастья, на которое способна ба. Она почти никогда не смеётся: «Леди не гогочут, Этель. Это и мужчину не красит. Для женщины же это совершенно непристойно».

(Хотя лично у меня на этот счёт своё мнение, и оно не имеет ничего общего с «непристойностью». Я думаю, что в глубине души ба о чём-то печалится. Не обо мне, не о прабабуле, но о чём-то другом. Может, просто о маме, но, думаю, и о чём-то большем тоже.)

Последним ушёл викарий. Он сыграл на пианино «С днём рождения», а потом что-то из классики, причём без нот, и все ему хлопали. Старый Стэнли хлопал с

большим энтузиазмом и кричал: «Браво! Браво!», пока одна из медсестёр не одёрнула его, как непослушного ребёнка, что, на мой взгляд, было немного некрасиво.

Как только преподобный Робинсон ушёл и остались только мы с ба и прабабулей, а санитарки принялись за уборку, ба сделалась какой-то возбуждённой.

– Батюшки, только погляди на время, ма! Вот это была пирушка! – «Пирушка» – словечко очень в духе ба, означающее вечеринку, но на дворе был всего час дня. Думаю, чем старше вы становитесь, тем раньше начинаются ваши вечеринки.

Честно говоря, если бы я уже не подозревала, что что-то неладно, неуклюжее притворство ба точно насторожило бы меня. Ей не терпелось убраться отсюда.

В общем, фраза «только погляди на время» словно произвела на прабабулю какой-то эффект – будто кто-то выключил свет. На её лицо вернулся взгляд в никуда, а вместе с ним – постоянное кивание, вот и всё.

Ну, почти всё.

Когда я наклонилась поцеловать прабабулину пергаментную щёку, она прошептала мне на ухо:

– Возвращайся, касаточка.

– Ну да, – сказала я. – Мы скоро вернёмся.

Прабабуля стрельнула глазами на ба, которая была уже на полпути к двери, и то, как она это сделала, немедленно дало мне понять, что на самом деле она имела в виду.

«Возвращайся без неё», вот что.

Вот то странное, о чём я вам говорила. Это и та фраза про тигрицу.

Просто что там творилось такое? И что бы это ни было, почему ба это так беспокоило?

Глава 9

Мы поехали домой. Две мили, во время которых я могла спросить ба: «Что прабабуля имела в виду, сказав «тигрица» и «кошечка», ба?»

Вот только ничего у меня не вышло, потому что стоило нам оказаться в машине вдвоём, ба принялась болтать практически без умолку, что наверняка было продуманной попыткой помешать мне задавать вопросы, которые мне до смерти хотелось задать.

Преподобный Генри Робинсон то, миссис Аберкромби сё, сосиски в тесте не подогрели, хотя я вообще-то просила, прекрасный английский «той милой иностраночки» (Честити), даже узор на ковре («По моему мнению, завитушки на ковре – это несколько пошлово») – и так далее... и далее.

Честно, мне казалось, что она даже не делает пауз, чтобы вдохнуть.

Я знала, что сегодня мне не удастся воспользоваться солярием. Мне нужно будет подгадать время, когда ба надолго уйдёт из дома, а этого не произойдёт до завтрашнего дня, когда у неё будут дела в церкви и в одном из её комитетов.

Утром я буду предоставлена сама себе. Так что хоть я и была чуточку озадачена поведением прабабули и ба, я испытывала радостное волнение, потому что очень скоро собиралась испытать свою новейшую тактику в борьбе с акне.

Солярии, кстати говоря, совершенно точно попадают в категорию вещей, которые ба описала бы как «весьма пошлые». Есть целая куча всего, что ба считает «весьма пошлым».

- Солярии, как я уже сказала. Да и вообще любой искусственный загар.
- Ковры с завитушками, по всей видимости. Но только «слегка».

- Пирсинг где-то, кроме ушей, и татуировки.
- Пирсинг ушей, если вам меньше шестнадцати.
- Называть детей в честь разных мест – эта категория явно включает Джарроу и Джесмонда Найт[1 - Джарроу – город на северо-востоке Англии. Джесмонд – район Ньюкасл-апон-Тайна.]. А Бруклина Бекхэма – нет, потому что однажды ба встретила Дэвида Бекхэма на благотворительном мероприятии, и он оказался «настоящим джентльменом». И пах приятно.
- Дизайнерские собаки. По сути, всё, чему предшествует слово «дизайнерский», как то: джинсы, кухни, сумочки и так далее.
- Большинство людей из телика.
- Подвесные кашпо.
- И, если вы подумываете закатить глаза от того, до чего нелеп этот список, знайте: закатывать глаза тоже пошло.

Я не шучу, я могу продолжать: этот список может растянуться на всю книгу, а я ещё даже не перешла к вещам, которые не «весьма пошлые», а «жутко пошлые». Вот топ-3 «жутко пошлых» вещей на сегодня:

- Есть на улице.
- Все дневные телепрограммы, люди, которые смотрят дневные телепрограммы, и практически всё, что идёт не по Би-Би-Си, особенно каналы Скай.
- Футбол (за исключением Дэвида Бекхэма, по указанным выше причинам).

И это «пошло», кстати, не пошло в смысле «развратно». Это пошло в смысле «недостаточно культурно» – не путать с «вульгарно», против которого ба обычно

ничего не имеет, хотя граница между этими понятиями размыта.

Например, ба говорит, что Евровидение – это вульгарно, но любит его. Шоу талантов «Икс-Фактор» – это пошло, и она его ни за что не включит.

Футбол, как я уже сказала, – это пошло. Регби – вульгарно.

Ещё примеров? Ладно. Рыба с картошкой навынос = вульгарно, а значит, приемлемо, что для меня огромное облегчение, потому что я это обожаю. Гамбургеры с картошкой (или, что ещё хуже, картошкой фри) навынос = пошло. И «Бургер Кинг» гораздо пошлее, чем «Макдональдс».

Знаю: разобраться нелегко.

Отрыжку ба называет «эруктация». Она говорит, что это одновременно вульгарно и «жутко пошло», так что бог знает, что она подумала бы о том, что будет дальше. Если вы в этом похожи на мою ба и отрыжка приводит вас в ужас, тогда следующую главу лучше пропустите.

Глава 10

Утро воскресенья. Утро солярия.

Ба ушла в церковь. Иногда я хожу с ней, но в этот раз я сказала, что у меня болит живот (что было правдой), и она не стала настаивать. Ей не терпелось отправиться в церковь, так что она оставила меня дома с Леди.

Ба не будет дома большую часть дня. Это, кстати говоря, значительный прогресс для нашей маленькой семьи. Около года назад ба начала доверять мне оставаться дома одной, иногда по вечерам. Я нервничала поначалу, но потом это стало мне очень даже нравиться.

Сразу после церкви она отправится пить кофе с группой по изучению Библии, потом пойдёт на ланч к миссис Аберкромби, а дальше – на ежегодное общее собрание очередного благотворительного комитета. Иногда мне интересно, где

она берёт на всё это энергию.

Я наглоталась «Доктора Чанга Его Кожа Такой Чистый» и, вероятно, переборщила, что стало причиной слегка неприятных ощущений в животе. Это питьё – оно идёт в порошке, который надо растворить, чтобы получилось что-то вроде холодного «чая», – имеет грибной запах и на вкус в точности как черви – так мне кажется. Оно воняет, но доктор Си Чанг («Чрезвычайно знаменитый практик традиционного китайского траволечения», как написано на его сайте) заявляет, что оно эффективно против сильного акне – в доказательство приводятся несколько весьма впечатляющих фотографий «до» и «после».

Пока что весь эффект состоял в том, что утром я проснулась со вздутием живота. Серьёзно, мой живот надулся, как небольшой шарик; я щёлкнула по нему средним пальцем и услышала звук, напоминающий грохот тамтамов.

Теперь, как бы это ни было неловко, я всё равно расскажу вам, так что «простите мою нескромность», как выразилась бы ба. Я могла бы воспользоваться самыми разными хитрыми словами, чтобы описать это: «эруктация» или «газы», но никто кроме взрослых и учителей не говорит так на самом деле, так что скажу прямо. Только проснувшись, я немедленно здорово рыгнула, и, если не знать наверняка, можно было бы поклясться, что пахла эта отрыжка как разлагающийся труп животного. Скунса, скорее всего, хотя я никогда не нюхала скунса, поскольку в Британии они не водятся. Я просто знаю, что они воняют.

А самое странное, что привкуса я никакого не почувствовала (и слава богу).

Слушайте, я знаю: все мы шутим про пускание газов и всякое такое. (Все, кроме ба, конечно, – надо ли мне это повторять? Наверно, нет. Просто держите это в голове в дальнейшем, ладно? Я буду упоминать об этом при необходимости.) В общем, большинство из нас считает это уморительным.

Так вот ничего смешного в этом не было.

Воняло так ужасно, что мне сделалось немного... страшно, что ли. Это не было похоже ни на один из, эм... пуков, которые я когда-либо чуяла, даже гораздо хуже, чем в тот раз, когда Кори Маскрофт так испортил воздух на собрании в шестом классе, что люди до сих пор вспоминают. Если бы я знала, что произойдёт дальше, может, я даже сочла бы это за предупреждение. Но,

конечно, такое понимаешь только задним числом.

В общем, после ещё пары отрывков послабее мой живот сделался уже не таким вздутым, и я отправилась в гараж, пропахший пылью и старыми коврами. Меня немного потрясывало, потому что я стояла в одном нижнем белье на бетонном полу босиком, думая: «Что-то это не очень смахивает на посещение студии загара и спа», так что я вернулась в дом за телефоном.

На Спотифае я нашла парочку медленных, вводящих в транс электронных треков из девяностых, похожих на те, что включают в спа-салонах, и вставила в уши наушники. Раздевшись, я улеглась в солярий, светившийся фиолетовато-белым светом ультрафиолетовых трубок. Я установила таймер на десять минут – начинать лучше потихоньку – а потом опустила крышку, так что она оказалась всего в паре сантиметров от моего носа.

Мои глаза были закрыты, в уши мне лилось негромкое «та-та-та», ультрафиолетовые трубки излучали тепло, и я была не прочь немного вздремнуть, потому что таймер должен был меня разбудить.

Немного позднее, однако, меня будит яркий свет ультрафиолетовых трубок, проникающий сквозь мои невидимые веки, и Леди, гоняющая свою миску.

С этого всё и началось – помните?

Глава 11

– Ба? Ты меня слышишь? Я невидимая.

Я кричу в телефон, сидя на краю солярия в гараже, и я была права. Ещё не успев нажать на имя ба в телефонной книге, я думала, не будет ли нелепо звонить кому-то и сообщать о своей невидимости.

Будет. Ещё как.

Но я всё равно пытаюсь.

– Я стала невидимой, ба, – потом я снова начинаю всхлипывать.

Долгая пауза.

Очень. Долгая. Пауза.

На фоне слышатся голоса.

– Не уверена, что хорошо тебя слышу, милая. Прямо сейчас я не могу разговаривать, но я понимаю, что ты расстроена. Что случилось, милая?

Я глубоко вдыхаю.

– Я невидима. Я исчезла. Я лежала в солярии и заснула, а теперь проснулась и не вижу себя.

– Ну ладно, моя милая. Очень смешно. Дело в том, что сейчас не самое подходящее время. Миссис Аберкромби собирается зачитать протокол последнего собрания, так что мне пора. В холодильнике есть холодная ветчина, а Леди нужно выгулять. Мне пора. Увидимся позже.

Пик.

Глотая новые всхлипы, я быстро натягиваю бельё, джинсы и футболку. Зрелище одежды, покрывающей моё невидимое тело, заставляет меня заворожённо утихнуть. Отчего-то такое будничное дело, как одевание, немного успокаивает (только немного – внутри меня всё так и кипит, как норовящее сбежать из кастрюли молоко), у меня получается дышать ровнее, и я хотя бы перестаю плакать.

По дороге на кухню я мельком замечаю себя в длинном зеркале в прихожей. Ну то есть это я говорю «себя». На деле же я вижу пару джинсов и свою любимую футболку, разгуливающих сами по себе. Это могло бы быть забавно, будто наблюдать спецэффекты в реальности, если бы внутри этой одежды не находилась я сама, и я снова перевожу дыхание и с трудом сглатываю, чтобы не начать опять рыдать.

На кухне Леди, лежащая в своей корзинке, приподнимает голову. Она бредёт ко мне и обнюхивает мои ноги – или то место, где должны быть мои ноги. Я наклоняюсь и глажу её.

– Привет, девочка, – машинально говорю я, и она поднимает взгляд.

Не уверена, можно ли вообще прочесть выражение собачьей морды, но я клянусь: Леди выглядит испуганной и сбитой с толку. Я приседаю, чтобы успокоить её, но это явно производит противоположный эффект. Я чешу ей уши, потому что знаю, как ей это нравится, но вместо того чтобы облизать меня, заставляя рассмеяться, как всегда бывает, Леди поджимает хвост и с взвизгом кидается через кухонную дверь на задний двор. Я остаюсь смотреть на захлопывающуюся за ней дверь, и уголки моего рта опускаются.

Я снова звоню ба.

Меня переключает на голосовую почту.

Я не оставляю сообщения.

Теперь у меня в голове крутится бесконечный поток мыслей, перебирающий все варианты действий.

Я всё ещё не до конца отбросила версию, что сплю. Может, это просто какое-то особо навязчивое состояние сна, от которого нельзя избавиться обычными проверками, сон это или нет? Я продолжаю щипать себя, трясти головой – всё в этом духе.

Ясное дело, ничего не срабатывает, так что я решаю перейти к крайним мерам. Стоя в кухне, я хлещу себя по щеке. Сначала легонько, потом ощутимее, потом довольно сильно, и, наконец, – вишенка на торте – даю себе со всего размаха пощёчину правой ладонью по левой щеке, звонкую и очень ощутимую, и на глазах у меня выступают новые слёзы.

Я составляю своего рода контрольный список.

Вот что мне известно:

1. Я одна, и я невидима.

2. Я точно, точно не сплю. (Щипок, пощёчина, ай! Ещё разок.)

3. Ба не берёт трубку, предположительно потому, что считает, будто я дурачусь, или – что столь же вероятно – она включила беззвучный режим, чтобы телефон не звонил во время речи миссис Аберкромби.

4. Я могла бы пойти к ней. (Куда? Я даже не уверена, где она. В церкви, скорее всего. А это, на минуточку, в Калверкоте, да и что я сделаю? Просто войду внутрь и объявлю, что я невидимая? Нет уж.)

5. Есть ли у меня друг, которому я доверяю? Раньше это была бы Кирстен Олен, но теперь? Нет: я больше не доверяю ей особо.

6. Я так хочу пить, что у меня болит горло.

Для начала разберусь с самым простым. Заодно отвлекусь немного.

Я начинаю заваривать чай. Для моей ба чай – ответ практически на всё. Однажды она сказала мне, что приготовление чая – ожидание, пока закипит чайник, расстановка чашек и так далее – точно так же успокаивает нервы, как само чаепитие.

И тут у меня звонит телефон.

Это ба. Да-а-а!

– Я вышла с собрания, Этель. Вижу, ты снова мне звонила. Что стряслось на этот раз? – Тон у неё бодрый и решительный, что ничего хорошего не сулит.

– Говорю же, ба: я стала невидимой.

Потом меня словно прорывает: я рассказываю про акне, про «пищелицу», про солярий, про то, как уснула, проснулась через полтора часа в луже собственного

пота, посмотрела в зеркало, позвала на помощь...

Про всё, что привело к настоящему моменту. Я сижу, пью чай и рассказываю ба, что произошло.

Не сомневаюсь, выходит несколько сумбурно, но не совсем уж бессмысленно.

Я заканчиваю словами:

– Так что я позвонила тебе. Ты должна мне помочь.

Долгое время ба не говорит ничего.

Глава 12

Тогда-то я и понимаю: она мне не верит.

Да и с чего бы ей? Звучит это совершенно сумасшедше. Ба не верит мне, потому что не может меня видеть, а если она не может меня видеть, то с какого перепугу она должна мне поверить?

Это безумие. Даже «полный абсурд», если использовать одно из любимых выражений ба.

Я жду. Я рассказала ей всё. Я рассказала ей всю правду и ничего, кроме правды. Всё, что мне остаётся, – это ждать, что она скажет.

И ба говорит вот что:

– Этель, дружок мой. Взрослеть – это непросто. Ты находишься на очень коварном жизненном перепутье...

«Ла-а-адно, – думаю я. – Мне не нравится, к чему ты клонишь, но продолжай...»

– Думаю, в тот или иной период жизни многие из нас чувствуют себя невидимыми, Этель. Словно все окружающие просто игнорируют нас. И я в твоём возрасте себя так чувствовала. Я изо всех сил старалась вписаться, но иногда всех моих сил оказывалось недостаточно...

Чем дальше, тем хуже. Может ли что-нибудь быть хуже, чем сочувственный отклик, целиком и полностью игнорирующий вашу проблему?

Я лишена дара речи – просто сижу, слушаю, как ба продолжает разглагольствовать о том, насколько тяжело «чувствовать себя словно невидимой», и наблюдаю, как чайная чашка магическим образом поднимается к моим губам.

Потом я смотрю вниз и ахаю от ужаса. Чай, который я только что выпила, парит в воздухе слегка бесформенной массой на том месте, где находится мой желудок.

Моё аханье заставляет ба сделать паузу.

– Что такое, милая?

– Мой... мой ч-чай! Я его вижу! – Как только слова срываются с языка, я немедленно понимаю, до чего глупо они звучат.

– Прошу прощения, Этель?

– Ой, эм... ничего. Прости. Я, эм, я прослушала, что ты говорила.

– Послушай, мне очень жаль, что ты себя так чувствуешь, но нам придётся поговорить об этом днём, когда я вернусь. Дальше отчёт заведующего кассой, а Артур Таджи приболел, так что представлять его придётся мне. Поэтому мне пора.

С меня довольно. Ну всё.

– Нет, ба. Ты меня не слушаешь. Я правда исчезла. Не в образном смысле. На самом деле. На самом-пресамом деле – не метафорически. Я не вижу своего тела. Моё лицо, волосы, руки, ноги – они действительно невидимы. Если бы ты

могла меня видеть, ну... то ты бы не могла меня видеть.

Потом меня осеняет.

- Фейстайм! Ба, давай созвонимся по Фейстайму, и ты всё увидишь!

Я не уверена даже, что ба умеет пользоваться Фейстаймом, но голос у меня всё равно истерический.

Я пытаюсь выражаться так чётко, как только могу, но получается криво, и её тон из сочувственного и озабоченного делается немного твёрже и строже.

- Этель. Думаю, ты уже перегибаешь палку, милая. Поговорим позже. Пока.

В этот раз звонок сбрасываю я.

Глава 13

Вспомните последний раз, когда вы оставались сами по себе. Насколько на самом деле одиноки вы были?

Был ли кто-то относительно рядом? Родитель? Учитель? Друг? Если у вас были проблемы, могли ли вы позвать кого-то на помощь?

Ладно, в школе я, конечно, не мисс Популярность, но меня не то чтобы прямо не любят. Ну, по крайней мере мне так не кажется.

«Нет совершенно ничего плохого в том, чтобы быть «спокойной и сдержанной»», – сказала ба, прочитав как-то раз отчёт о моей успеваемости (до тех пор мне ни разу и не приходило в голову, что это может быть плохо или что кто-то вообще может так считать).

«Лучше молчать и казаться дураком, чем заговорить и развеять все сомнения», – добавила она в своём фирменном стиле.

Ба всегда была – используя фразу, которую она сама обожает, – «очень приличной».

Она обожает говорить, что интеллигентная культурная англичанка должна знать, как вести себя в любой ситуации.

Честное слово, у неё даже книги на эту тему есть. С названиями типа «Современные манеры в двадцатом веке». Обычно они забавные, но большинство из них, кажется, были написаны, когда ба уже родилась, так что они не совсем древние. Там пишут вещи вроде:

«Какова корректная форма обращения к разведённой герцогине, которой вы ещё не были представлены?»

Или:

«Сколько следует оставлять прислуге на чай после визита в загородное поместье подружки?»

Если не знать ба, наверняка может сложиться впечатление, что она вся такая чопорная и высоконравственная – настаивает на написании благодарственных писем в течение трёх дней, например, или всегда спрашивает разрешения, прежде чем начать звать кого-то из взрослых по имени. На самом деле её в основном волнуют вопросы вежливости к людям, и это довольно мило, вот только ба иногда заходит гораздо дальше, чем кто-либо из моих знакомых.

Однажды она учила меня правильно пожимать руки.

Да-да, пожимать руки.

– Уф, дохлая треска, Этель, дохлая треска! – так ба описывала вялое рукопожатие. – Нужно пожимать сильнее. Ай! Не настолько! И я здесь, Этель! Вот тут: смотри мне в лицо, когда пожимаешь руку. И разве ты не рада меня видеть? Ну так изобрази это на лице. И... что нужно сказать?

– Здрасьте?

– Здрасьте? Здрасьте? Где ты, по-твоему, находишься? В Калифорнии? Если люди встречаются впервые, нужно говорить: «Очень рада встрече». Давай, покажи мне: твёрдое краткое рукопожатие, зрительный контакт, улыбка и «Очень рада встрече».

(Я даже испробовала это, когда познакомилась с мистером Паркером. Я видела, что он доволен, но в то же время слегка встревожен, что ли, как будто ученики никогда раньше не приветствовали его подобным образом – что вполне могло быть правдой. С тех пор мистер Паркер со мной супермил, и это, по мнению ба, сошло бы за доказательство, что её рукопожатие работает, но я считаю, это, наверное, из-за того, что я нравлюсь мистеру Паркеру.)

Так что ба не такая старая, но весьма старомодная, по крайней мере, в одежде. Она гордится тем фактом, что у неё никогда не имелось пары джинсов, даже когда она была гораздо моложе и привлекательнее. Однако её антипатия к дениму – это не протест против современного мира. Она говорит, что причина, по которой она ненавидит джинсы, – это то, что они никому не идут.

«Наденешь слишком узкие – будешь выглядеть неприлично; наденешь слишком свободные – будешь смахивать на гангста-рэпера».

Поверьте мне: когда моя ба произносит слова «гангста-рэпер», она как будто упражняется в иностранном языке. Можно буквально услышать кавычки.

Умение разговаривать с любым человеком из любого слоя общества – отличный навык, но даже если бы он у меня имелся, пользы от этого сейчас не было бы никакой. Мне совершенно не с кем поговорить о своей невидимости.

Ба? Уже пробовала.

Можно зайти в Инстаграм и написать Флоре Макстей – той, что переехала в Сингапур:

«Привет, угадай что! Я сегодня стала невидимой! Вот я на фото, рядом с деревом».

Очень смешно.

Я осталась сама по себе. Не самое приятное чувство.

Так ЧТО сделали бы ВЫ? Ну давайте, это вопрос без подвоха – честно.

Что бы вы сделали?

Что я решаю, так это то, что мне нужно в больницу, и поскорее. А значит, мне нужна скорая. Это, в конце концов, чрезвычайная ситуация.

Я набираю 999.

Глава 14

– Экстренная служба. Какая помощь вам требуется?

– Скорая, пожалуйста, – говорю я дрожащим голосом. Раньше я никогда не звонила в экстренную службу. Это довольно тревожно, скажу я вам.

– Соединяю.

И я жду.

– Норт-Тайнсайдское отделение скорой помощи. Могу я узнать ваше имя и номер телефона, пожалуйста?

На том конце провода – девушка с ньюкаслским говором. Голос у неё приятный, и я немного расслабляюсь.

– Этель Ледерхед. 07877-654-344.

– Благодарю. Опишите, пожалуйста, что у вас произошло?

Нужно было усвоить урок ещё с того раза, когда я рассказывала всё ба. Моя история, произнесённая вслух, звучала нелепо. Когда я буду рассказывать операторше, что стала невидимой, менее нелепым это не станет.

- Я... я не могу сказать. Мне просто срочно нужна скорая.

- Прости, эм... Этель, так? Мне необходимо знать, что у тебя произошло, прежде чем я отправлю к тебе скорую.

- Я не могу вам сказать. Просто это... очень срочно, хорошо? У меня серьёзные проблемы.

Голос у операторши по-прежнему добрый. Она ведёт себя деликатно.

- Послушай, дружок, я не смогу тебе помочь, если ты не скажешь, что стряслось. Ты звонишь из дома?

- Да.

- Ты ранена?

- Ну... не совсем ранена, просто...

- Ладно, цветочек. Успокойся. У тебя что-то болит?

- Нет.

- Может, ты или кто-то другой находитесь под непосредственной угрозой боли или ранения?

Я тихонько вздыхаю.

- Нет. Только...

- С тобой там кто-то есть? Тебе чем-то угрожают?

- Нет, - я знаю, к чему всё идёт.

- Что ж, для неэкстренной медицинской помощи есть другой номер, Этель. У тебя есть под рукой ручка, голубушка?

Я вот-вот разрыдаюсь, и, если бы мысли у меня не путались, я смогла бы предвидеть последствия того, что я ей выпаливаю, но, что ж, я сейчас не самый здравомыслящий человек.

- Я стала невидимой, мне ужасно страшно, и мне немедленно нужна скорая!

Вот тогда-то тон операторши сменяется с успокаивающего и доброго на утомлённый и натянутый.

- Ты стала невидимой? Ясно. Слушай, дружок, с меня хватит. Ты же знаешь, что все звонки записываются, и их можно отследить? Я заношу это в журнал как злонамеренный вызов, так что, если ты позвонишь ещё раз, я сообщаю в полицию. А теперь брысь с линии, уступи тем, кому действительно нужна экстренная помощь. Невидимой? Ох уж эти дети, честное слово. Хоть на стенку от вас лезь!

После этого звонок обрывается - вместе с моими надеждами на лёгкое решение моей проблемы.

Глава 15

Проходит два часа, а я по-прежнему невидима.

Я приняла долгий горячий душ, предположив, что, возможно, невидимость можно смыть водой - знаете, как какое-то покрытие?

Я тёрла и тёрла кожу, пока её не начало здорово жечь, но мыло пенилось, словно на пустом месте, а когда я смыла его, меня по-прежнему не было - только мокрые следы на полу ванной.

С тех пор я брожу по дому, раздумывая, что делать и как с этим разобраться – совершенно безуспешно.

Плакать я перестала. Это мне ничем не поможет, а кроме того, я устала от слёз. Однако должна признать, что я в абсолютном, полном, стопроцентном

УЖАСЕ.

Ужасе в квадрате. В кубе.

Примерно каждые пять минут я встаю и гляжусь в зеркало.

Потом возвращаюсь к своему ноутбуку и опять роюсь в интернете в поисках тем, включающих слова «невидимый» и «невидимость».

Большая часть статей, которые я пытаюсь читать, фантастически сложные и опираются на математику, физику, химию и биологию гораздо выше нашего школьного уровня.

Как бы то ни было, складывается впечатление, что люди десятилетиями пытались добиться того, что случилось со мной.

На Ютубе я нахожу отрывок фильма с Джеймсом Бондом и невидимой машиной.

«Адаптивный камуфляж, 007, – говорит Кью, обходя бондовский Астон Мартин по кругу. – Микрокамеры по периметру передают изображение на жидкокристаллическое покрытие с противоположной стороны. Для постороннего взгляда всё равно что невидим».

Потом он нажимает кнопку, и машина становится невидимой.

Знаете, что? До этого момента я бы сказала, что это просто глупости. Да и сам отрывок был в списке под названием «Топ-10 бредовостей бондианы».

Но теперь?

Теперь я уже не так уверена.

Если такое может произойти со мной – почему с машиной не может?

Что мне удалось выяснить, так это то, что есть два способа сделать что-то невидимым.

Вы готовы?

Буду объяснять простыми словами.

Для начала нужно понять, как мы видим окружающий нас мир. Предметы являются видимыми потому, что лучи света отражаются от них и попадают нам в глаза. Так что, если перед вами стоит дерево, свет падает на него и отражается от задней стенки вашего глаза, и после какого-то почти мгновенного мудрёного процесса, происходящего у вас в мозгу, вы видите дерево.

Так что первый способ сделать предмет невидимым – накрыть его «маскировочным устройством». Оно сделает так, чтобы свет огибал дерево и стремился дальше; это всё равно что сунуть палец под струю воды из-под крана: вода огибает палец и продолжает литься единым потоком.

Многие учёные заявляют, что они вплотную подошли к созданию маскировочных устройств, особенно для военных целей. Думаю, они подразумевают разработку невидимых танков, или кораблей, или самолётов, или даже солдат – это было бы круто.

Вы ещё тут?

Ладно, второй способ – это заставить свет проходить прямо через предмет. По этому принципу работает стекло, и если вы когда-нибудь врезались в стеклянную дверь, как однажды я в торговом центре, то вы знаете, насколько это действенно.

Если глядеть на стекло прямо, оно невидимо.

Так же работают и рентгеновские лучи. Рентгеновские лучи – это особый вид света, который через некоторые вещества проходить может, а через другие – нет. Такие лучи пройдут через вашу плоть, но не через кости, так что врачи смогут заглянуть в ваш внутренний мир.

Значит, меня делает невидимой второй вариант. Свет проходит сквозь меня, так что хоть я и есть, выгляжу я так, словно меня нет.

Не то чтобы это знание как-то мне помогает.

Я прокручиваю в голове последовательность событий: вот я ложусь в солярий, ставлю таймер, засыпаю, просыпаюсь из-за Леди, гонящей свою миску, и...

Леди. А где она?

В последний раз я видела её выбегающей через заднюю дверь. Встав на пороге, я выглядываю на улицу и зову её, потом свищу, а потом снова зову.

Можно подумать, у меня сейчас мало проблем, чтобы к ним добавилась ещё и пропавшая собака.

Я вспоминаю череду плакатов «Пропала собака», которыми в последнее время пестрят фонарные столбы, и мне становится дурно. Все только об этом и говорят.

Раньше они появлялись пару раз в год: потерялась собака, потерялась кошка, вы её не видели? В таком духе.

Но в последнее время такие объявления стали клеить раз в месяц. На днях ба упоминала об этом, веля не спускать с Леди глаз на прогулках.

«Никогда не знаешь наверняка, Этель, – сказала она. – Станных людей кругом хватает».

Что если кто-то украл Леди? Она такая дружелюбная, что за кем угодно пойдёт.

Мне нужно найти её, а для этого я должна выйти на улицу: вероятнее всего, на пляж, потому что это то место, куда пошла бы я, будь я собакой.

Это риск. Огромный риск вообще-то, но иногда единственная альтернатива риску – сидеть сложа руки, а для меня это точно не вариант.

Мне придётся выйти на улицу – невидимой.

Глава 16

Я надеваю ещё кое-какую одежду помимо той, что уже на мне. Носки и кроссовки, водолазка, прикрывающая моё невидимое горло, худи с длинными рукавами – и вот я выгляжу уже не так странно, слегка смахивая на безголовых магазинных манекенов – если это можно считать «не таким странным».

В нижнем ящике комода я нахожу пару перчаток, значит, остаётся разобраться только с головой.

В гараже стоит пластмассовая корзина со старыми принадлежностями для маскарада. В ней я нахожу блестящий парик, оставшийся после какой-то школьной постановки, в которой я участвовала, и пластиковую маску с лицом клоуна. Я ненавижу клоунов, и всё же с задачей своей маска справляется. С натянутым на голову капюшоном я похожа на... кого?

Я похожа на какого-то странного ребёнка, который решил разгуливать в маске клоуна. Определённо необычно, но не совсем уж безумно.

Я уже на полпути к двери в своём прикиде, когда мой телефон пищит: мне пришло сообщение.

От: Номер неизвестен.

Прив Этель: норм если я ща приду позагорать? Я не помешаюсь. Буду у тебя через 2 мин. Эллиот

И вот одно это сообщение полностью объясняет, почему Эллиот Бойд так бесит. Нахальный, бесцеремонный, навязчивый и дюжина других слов, означающих «настоящая заноза в одном месте», проносятся у меня в голове, пока мои пальцы набирают ответ.

НЕТ. Не норм. Я как раз ухожу. В другой раз. Этель

Почему, почему, почему я написала «как раз ухожу» вместо «я не дома»? Напиши я так, могла бы притвориться, что меня нет дома, когда в дверь позвонят.

А в дверь звонят – через пару секунд после того, как я нажимаю «Отправить».

Я в коридоре. Я вижу его силуэт за стеклом входной двери и даже слышу, как ему на телефон приходит моё сообщение, а потом он суёт пальцы в почтовый ящик и кричит через щель:

– Лады, Эфф! Хорошо, что я тебя зафтал! Открой дверь, э?

Что мне остаётся?

Я открываю дверь.

Глава 17

Увидев наряды друг друга, мы оба опешили.

– Ого! – говорит Бойд. – Ты не предупреждала, что надо принарядиться. Куда ты в этом намылилась?

– А ты? – не остаюсь в долгу я.

Может, я одета и странновато – блестящий парик, маска, перчатки, – но Бойд? Он выглядит так, словно собрался во Флориду: широкие мешковатые шорты, гавайская рубашка с акулами, солнечные очки (совершенно бесполезные сегодня), а на макушке – бейсболка. В руках у него пляжная сумка, внутри которой я вижу полотенце и разные лосьоны для загара.

Добрых несколько секунд мы таращимся друг на друга, стоя на пороге.

Если бы я не была так совершенно выбита из колеи тем, что происходит у меня под одеждой, я бы, наверное, сострила, сказав что-то вроде: «Прости, мне не нужны советы по стилю от того, кого выгнали из Диснейленда за преступления против моды». Но я этого не делаю.

Вместо этого я говорю:

– Это спонсорская кампания. Я должна весь день проходить в таком виде, чтобы собрать денег на, эм...

«Быстрее, Этель. Придумай что-нибудь. Он ждёт, что ты закончишь предложение».

– ...на твою затею с маяком.

Почему? Почему именно это? В моей голове словно сидит другая я и орёт на меня: «Ты зачем это сказала, тупица ты эдакая? Теперь он думает, будто тебе не плевать на его дурацкую одержимость маяком. Бестолочь! Почему ты не сказала про борьбу с голодом, или исследования рака, или глобальное потепление? Или что угодно ещё?»

И всё, что я могу сделать с этим голосом в голове, – ответить ему другим голосом в голове: «Я знаю! Прости! У меня мысли путаются. У меня сейчас куча проблем, если ты не заметила».

Бойд что-то говорит.

– ...Потрясно! Вот спасибище! Спонсированный маскарад? Шикарная идея! На целый день? Так мило! В общем, я только что получил твоё сообщение. Прости, надо было раньше проверить. Значит, уходишь, э? А когда вернёшься? Я могу подождать тебя или, ну знаешь, убраться отсюда?

Нет. Определённо нет. Вместо этого я рассказываю ему про Леди.

– Я видела, как она убегает на задний двор, – говорю я ему. – Я подумала, она просто собирается по-маленькому. – Это не совсем правда. На самом деле я подумала, что Леди полностью, совершенно перепугалась моей невидимости и дала дёру.

В конце двора есть дырка в заборе, через которую без проблем может протиснуться собака. На самом деле Леди уже делала так, когда была щенком, и мы всё собирались заделать дырку, но руки так и не дошли, потому что больше она убегать не пыталась.

Вот только... когда мы выходим в сад, Леди там не оказывается.

Так мы и очутились на пляже, зовя Леди, – я в нелепом наряде клоуна в перчатках и Эллиот Бойд в комичном пляжном прикиде.

Местный пляж, пожалуй, моё любимое место для прогулок с Леди, мы бываем здесь, по меньшей мере, пару раз в неделю. Я кидаю ей мячик в море, и она скачет за ним по волнам, а потом отряхивается, обдавая меня брызгами в процессе, но я и не против.

Под маской жарко. Я слежу, чтобы Бойд шёл слегка впереди, и немного приподнимаю её, позволяя морскому воздуху остудить моё лицо, а потом зову раз в пятидесятый:

– Ле-ди!

Я стараюсь, чтобы голос звучал обычно и радостно. Вы когда-нибудь теряли собаку? Важно, чтобы голос не был злым, когда вы её зовёте, что бы вы ни

чувствовали внутри. Какая собака захочет возвращаться к злему хозяину?

Тут полным-полно собак, но Леди нет.

Вскоре мы добираемся до конца пляжа и оказываемся у волнолома, соединяющего большую землю и остров, на котором возвышается маяк – белый и огромный.

– Идём! Ты поднимаешься? – кричит Бойд.

Лезть на вершину маяка – это последнее, чего мне хочется.

– Да идём, – повторяет он. – Я хочу тебе кой-что показать, раз уж ты в этом участвуешь. Это недолго. К тому же сверху ты увидишь весь пляж и сможешь заметить свою собаку.

Мы проходим по волнолому и оказываемся на острове – кроме нас, там практически никого нет. Во время школьных каникул тут делается оживлённее, но сейчас кафе закрыто, работают только музейчик и сувенирная лавка, в которой надо купить билет, чтобы подняться на вершину маяка.

Тут есть ступеньки, ведущие ко входу, и огибающая маяк тропка – по ней Бойд и направляется. Он подходит к ржавой двери, по обе стороны от которой стоят мусорные баки для кафе, открывает её пальцами и манит меня за собой.

Мы входим и оказываемся в смахивающей на пещеру комнате. Внутри всего две посетительницы, разглядывающие большую модель спасательной шлюпки и какие-то фотографии на стене, и наши шаги эхом разносятся по помещению. Одна из дам поворачивается и приподнимает брови, потом тычет в бок свою подругу, которая тоже смотрит на нас. Полагаю, из-за того, как мы одеты, посмотреть есть на что, но больше они никак не реагируют.

– Идём, – расплывшись в улыбке, говорит Бойд. Я вижу, что он по-настоящему взволнован. – Я ещё никому эт’ не показывал!

Узкая лестница плотно прижимается к круглым стенам, и мы поднимаемся в фонарное помещение на вершине, крепко держась за ржавые поручни.

Триста двадцать восемь ступенек спустя (я не считала – Бойд мне сказал) – и я пыхчу, как скаковая лошадь. А Бойд почему-то нет, несмотря на свой лишний вес. Наверное, дело просто в энтузиазме.

Внутри круглого фонарного помещения я чувствую себя, словно в гигантской теплице: со всех сторон высокие окна. В центре стоит нечто, похожее на огромный перевернутый бокал высотой метра полтора, сделанный из стеклянных линз, выложенных замысловатыми концентрическими окружностями, его горлышко находится примерно в метре над полом – это фонарь.

– Видишь это? – спрашивает Бойд, со светящимся лицом указывая на стеклянную штуковину. – Эт' называется линза Френеля. Когда внутри загорается свет, она отражает и умножает его, так что не нужно особо много энергии, чтобы маяк было видно на многие мили. Вот только сейчас внутри нету света. Целую кучу лет не было.

Ну ладно. Это вроде как интересно, но в основном я просто проявляю вежливость.

Потом он подводит меня к маленькому люку в полу.

– Проверь лестницу, Эфф. Никто не идёт? – Он поднимает люк. – Иди-ка глянь!

Я покорно прохожу между гигантской линзой и окнами и смотрю в люк. Под крышкой оказывается длинный аккуратно смотанный электрический кабель – много-многометровый – с огромной лампочкой на конце, размером и формой смахивающей на двухлитровую бутылку кока-колы.

– Месяц назад принёс, – говорит Бойд, гордость так и сочится из каждой его поры. – Это самая яркая лампочка, которую только можно купить – аж на тыщу ватт. Когда я буду готов, я вставлю её сюда, – он показывает на горлышко перевернутого стеклянного «бокала», – и выведу кабель через это окно, до земли, а там врублю его в сеть и... «Зажигай свет»! – Он опять начинает мычать песню.

Я тарашусь на него через прорези маски.

Он сумасшедший. Кому вообще такое в голову придёт? И зачем?

Всё, что я могу выдать, – это:

– Ясно.

Он меняется в лице.

– Ты думаешь, я чокнутый, да?

– Эм... нет. Просто это весьма... амбициозный план, Эллиот.

– Ты никому не скажешь? Это должна быть вроде как секретная операция. Вроде как «хеппенинг» – знаешь, когда об этом объявляют незадолго до того, как оно происходит, а потом бах! Свет загорается! Естественно зажигательный флешмоб!

Бойд встаёт и мягко опускает крышку люка на место.

Я вижу, что обидела его, не проявив должного энтузиазма.

– Ты не боишься? – спрашиваю я.

Он озадаченно смотрит на меня.

– Боюсь? Чего? Какое преступление я совершу? Кому я наврежу? Возможно, меня могут обвинить во вторжении, но это даже не преступление; я ж ничо не попорчу и даже использую те деньги, которые ты соберёшь, расхаживая в дурацкой маске, чтобы оплатить электричество, так что меня нельзя будет обвинить в воровстве!

Улыбка на его лице заставляет меня улыбнуться тоже.

– Ты уверен?

– Конечно уверен! У меня папа юрист.

Это первый раз, когда Бойд упоминает своего папу. Или маму, раз уж на то пошло. И как только эти слова слетают с его губ, он словно хочет немедленно взять их назад. Он начинает говорить что-то ещё, но я его перебиваю.

– Юрист? Это круто. А в какой области?

Но он не отвечает. Вместо этого он встаёт, и его голос словно частично теряет лондонский акцент, как будто он обращается к суду.

– Ну ладно. «Вторжение», согласно английскому общему праву, – в противоположность статутному праву – это проступок, известный как «деликт», что считается противоправным деянием, но не подпадает под уголовную юрисдикцию, а следовательно...

– Ладно-ладно, я тебе верю.

– Обещаешь, что никому не скажешь?

– Что? Что твой папа юрист? Это что, секрет?

– Нет, балда. Про свет – про мой план. Нужно хранить всё в тайне, пока не настанет нужный момент.

– Обещаю.

– Ох, и, эм... мои друзья в Лондоне называли меня Бойди.

– Правда?

– Ага, так что... знаешь, если тебе вдруг, ну... эм... захочется...

Фраза остаётся висеть в тёплом воздухе между нами.

Бойди. Друг?

Я и не осознавала, что настолько отчаялась.

ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ О МАЯКАХ

Автор – Эллиот Бойд

С благодарностью Этель Ледерхед за то, что предоставила мне место, чтобы я мог сказать, до чего маяки потрясные.

(Я делал этот список для доклада в школе на уроке мистера Паркера. Он сказал, что доклад всем очень понравился, и это заставляет меня думать, что маяки всё-таки не такой уж и странный интерес.)

Люди строили маяки, чтобы предупреждать корабли об опасных скалах, с тех самых пор как появились корабли. Первые представляли собой просто здоровенные факелы на утёсах!

Сейчас во всём мире существует 17000 маяков и порядка 300 – в Соединённом Королевстве.

Маяк на острове Фарос вблизи Александрии в Египте был одним из чудес древнего мира и был построен в 270 г. до н. э. Он простоял 1500 лет и был разрушен в результате землетрясения. В 1994 году его части были обнаружены на дне океана!

Во многих языках слово, означающее «маяк», происходит от слова «Фарос». Phare(французский), Faro(испанский и итальянский). Farol(португальский), Far(румынский), faros(греческий)!

Яркость маяка измеряется в канделах – одна кандела равняется яркости одной свечи. Лучи современных маяков достигают яркости между 10000 и 1 миллионом кандел!

Один из самых ярких маяков в мире – маяк острова Оак в США: 2,5 миллиона кандел!

В 1822 году французский физик по имени Огюстен-Жан Френель изобрёл линзу, увеличивавшую яркость света внутри маяка, что означало, что его можно было увидеть на гораздо большем расстоянии. Теперь почти во всех маяках используется линза Френеля!

Спустя долгое время после изобретения электричества большинство маяков продолжало работать на масле. Маяк Святой Марии в Уитли-Бэй не переводили на электричество вплоть до 1977 года. Он не функционирует с 1984 года, что, на мой взгляд, весьма досадно!

Мистер Паркер написал на моём докладе: 9/10. Тема хорошо изучена и уверенно рассказана. Молодец. Поменьше восклицательных знаков.

Глава 18

Одно из окон фонарного помещения на деле оказывается небольшой стеклянной дверью, которая ведёт на наружную платформу, обрамляющую вершину маяка. Официального вида знак гласит: «Опасно: вход воспрещён».

– Идём, – говорит Эллиот Бойд – я пытаюсь привыкнуть называть его Бойди. – Ты должна на это посмотреть.

Я следую за ним через дверь.

Мы стоим на узкой платформе, стискивая железные перила, и глядим на северо-восточное побережье, примерно в двух милях к югу от которого, в устье реки Тайн, располагается другой маяк. В воздухе перед нами расправила крылья, паря без движения на ветру, чайка.

Бойди снял свою дурацкую бейсболку, и бриз, сдувающий волосы с его лба, делает его почти что красивым – при этой мысли я улыбаюсь под своей тупой клоунской маской. Бойд? Красивый? Ха!

Я всё ещё парюсь в двух слоях одежды, перчатках, худи и маске и решаюсь откинуть капюшон, освобождая сверкающий парик.

Это я зря.

Лёгкий бриз на несколько секунд сменяется жестоким порывом ветра, и тот сдёргивает парик с моей головы. Я ловлю его буквально за секунду до того, как он перелетает через железное ограждение. Я вожусь с капюшоном, отчаянно пытаюсь натянуть его обратно на голову, когда Бойди поворачивается, чтобы сказать мне что-то, но вместо этого просто вопит.

– Чт... а... а... а-а-а! Что? О боже мой. Ох-х-х.

Что ж. Полагаю, кто-то должен был как-то об этом узнать.

Глава 19

Бойди попятился назад и теперь просто тарашится, моргая, открывая и закрывая рот, словно рыба, и издаёт горлом тихие стенания.

Бедолага, он в самом настоящем ужасе. Чайка клекочет и улетает прочь.

– Ничего страшного, – пытаюсь успокоить его я. – Это всего лишь я. Со мной всё нормально.

– Но... но... ты... это... твоя голова... Этель?

С чего бы начать?

Десять минут спустя мне вроде бы удаётся убедить его, что я не призрак и не пришелец из космоса. Я ответила на его вопросы, включающие:

Больно ли мне? (Нет, не считая лёгкого пощипывания, которое может быть солнечным ожогом от солярия, но я не вижу свою кожу, чтобы сказать

наверняка.)

Кто-нибудь ещё знает? (Нет. Он первый. Я вижу, что это жутко ему льстит.)

Это навсегда? (Пока что непонятно.)

Что я буду с этим делать? (Опять же непонятно. Попытка обратиться в больницу прошла не так, как планировалось, и он соглашается, что обращение в полицию может оказаться столь же безрезультатным.)

Я рассказываю это всё так, будто мы вели вразумительную беседу, как нормальные люди, на балконе маяка. Ну, знаете:

«О, так ты невидимая? Круть. Скажи мне, ты ощущаешь какую-нибудь боль или дискомфорт в силу этого необычного состояния, Этель?»

Нет, всё было совсем не так.

Бойди нервничал, был растерян, путался в словах и то и дело протягивал руку, чтобы коснуться моих невидимых головы и руки. В какой-то момент я сняла маску, и он умолк, типа, на целую минуту, просто разевая рот и тряся головой, отводя взгляд и снова глядя на меня и опять начиная разевать рот и прикасаться ко мне.

Однако должна сказать: теперь, когда я ему рассказала, я испытываю колоссальное облегчение. Я несколько часов таскала с собой этот секрет, и это было утомительно. Хотя Бойди и не может ничего сделать, уже то, что я поделилась с ним своей проблемой, радует меня.

Немного.

Тогда отчего же я начинаю плакать? Простите, опять. Я вообще-то не плакса, если честно. Предпочитаю оставлять это более чувствительным душам, но необъятность того, с чем я столкнулась, кого угодно доведёт до слёз, я уверена, вот и выходит, что я плачу уже второй раз за день.

Бойди слышит, что я плачу, и не знает, что делать, бедняга.

– Эй, Эфф. Всё будет в норме, – говорит он и вроде как неуклюже обхватывает меня рукой, но я чувствую, что ему довольно неловко. Вероятно, он нечасто так делает. Потом он смотрит на меня.

– Я вижу твои слёзы. – Он указывает на мои щёки. – Хоть какая-то часть тебя видна.

Я вытираю щёку пальцами и смотрю на неё. И действительно, кончики моих пальцев поблёскивают. Я выдавливаю улыбку (зачем? Меня ж никто не видит) и снова надеваю маску, пониже натягивая капюшон на голову. Я хлюпаю носом и слабо улыбаюсь.

– Как я выгляжу?

Бойди оглядывает меня со всех сторон.

– Если не приглядываться, то норм. Вот тут наверху есть невидимый промежуток, но он в тени, так что не особо заметно. Просто не поднимай голову.

Я киваю и поворачиваюсь, чтобы вернуться внутрь маяка через стеклянную дверь, когда он говорит:

– Так значит, Эффель, этот клоунский наряд на самом деле был не для того, чтобы, ну знаешь...

– Что? Собрать денег? Ох, прости, Бойди. Нет. – Я вижу, как он огорчённо вздыхает, так что добавляю: – Но мне нравятся маяки. Ну, этот так точно. И я уверена, что другие тоже классные. Я помогу тебе с твоим «Зажигай свет». Обещаю.

Он улыбается в ответ, но тут что-то на земле привлекает его внимание. Он смотрит мне за спину, куда-то в сторону пляжа. Я поворачиваюсь и слежу за его взглядом. Там, в дальнем конце волнолома, семенит по песку чёрный лабрадор, и по его походке я понимаю, что это Леди.

И она не одна. Рядом с ней вышагивают две одинаковые фигуры.

У нас проблема, и она выглядит, как близнецы.

Я не так много рассказала вам о близнецах, но, видимо, сейчас самое подходящее время – если вообще может быть подходящее время, чтобы рассказывать о близнецах.

Джесмонд и Джарроу Найт пользуются в школе дурной славой, и своей зловещей репутацией они явно упиваются, умудряясь при этом – еле-еле – избегать отстранения от занятий.

То одному, то другому постоянно выносят письменные предупреждения. Сейчас вот оно у Джесмонда. Он выругался на мисс Суон, учительницу музыки, когда она учуяла, что от него пахнет куревом. (Я не скажу, что именно он произнёс, но представьте худшее, что можно сказать учителю, а потом проорите это во всё горло. Хотя нет, не делайте этого. Но он именно так и сделал, прямо в школьном вестибюле.)

Я вам гарантирую: когда в конце семестра срок его письменного предупреждения истечёт, какую-нибудь пакость выкинет уже его сестрица Джарроу. В прошлом году её отправили домой за то, что она подожгла Таре Локхарт волосы горелкой Бунзена, а потом их отцу пришлось разговаривать с миссис Хан и главой школьного совета.

Большинство людей стараются держаться от близнецов подальше, что довольно просто, если завидеть их издали. У них обоих одинаковая копна светлых волос до плеч. Со спины их почти не различить, да и спереди они весьма похожи, только Джарроу носит очки, а Джесмонд нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Джарроу – город на северо-востоке Англии. Джесмонд – район Ньюкасл-апон-Тайна.

Купить: https://telnovel.com/ru/uelford_ross/что-не-стоит-делат-невидимке

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)